

Отверженная

Автор:

[Сандра Бушар](#)

Отверженная

Сандра Бушар

Черничка #1

"Не делай добра, не получишь зла", – равнодушно сказал мужчина, когда я спасла его, а затем испортил мою жизнь раз и навсегда. Кирилл Шакалов – мразь, которых поискать, самая главная проблема человечества, бесчувственный робот без сердца и бандит, слово которого решает в городе все. Он сломал меня, истоптал, унизил, отнял любимого, друзей и даже семью, а потом просто вошел в жизнь и сказал: "Собирайся, теперь ты живешь со мной". Но не из-за большой любви. Нет... Все дело в ребенке. Его ребенку под моим сердцем. Используются фото авторов KireevArt и MillaF с сайта Shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Глава 1. Мы познакомились в июне

Глубокий вдох и тяжелый выдох. Руки трясутся, ногти барабанят по экрану телефона, а сердце заходится от волнения. Я в который раз одернула черное платье до колен, поправила волосы и снова... вдох-выдох. Может, еще не поздно уйти?

«Хватит, Кристина! Соберись! – шепчет внутренний голос. – Кого ты боишься больше: Кирилла Шакалова или вселенской несправедливости? В полиции тебе уже дали пинка под зад, родители и слушать ничего не хотят, а владельцу ресторана плевать с высокой колокольни на происходящее. Твое единственное спасение – этот чертов меценат!»

На главный вопрос я ответила себе еще ночью, когда совесть выела половину моего мозга. Сегодня я решила во что бы то ни стало пойти и все рассказать.

Зажмурившись, быстро постучала в дверь, боясь, что, если задержусь на пороге еще несколько секунд, просто развернусь и позорно сбегу.

– Входите, – раздался хриплый голос из домофона, и дверь щелкнула. – Сколько можно тебя ждать, Черничка?

Хозяин дома был чертовски пьян, чего я и боялась больше всего на свете. Одно дело – просто идти на приватный разговор к влиятельному мужчине в одиночку, другое – самой напроситься в гости к уроду, который вчера облапал тебя с ног до головы, а затем почти залез под юбку.

Последний раз осмотрев подъезд, я, наконец, переступила порог дома и тут же наступила на разбитое стекло на полу.

– Иди дальше по коридору, в конце поверни налево! – прокричал мужчина, когда мои каблук застучали по мраморному полу.

Неловко пробираясь через разгромленную мебель, я впервые испытала дикий ужас. Зачем я пришла сюда? Неужели не могла переступить через себя и запереть совесть на сто замков? Тогда пострадали бы другие, теперь однозначно пострадаю я...

Комната, в которой я обнаружила хозяина, оказалась гостиной, совмещенной со спальней. Он сидел в белом свадебном костюме, в котором вчера я видела его в ресторане, а вокруг валялось четыре пустых бутылки из-под скотча. Темно-каштановые волосы растрепаны, рубашка помята и закатана до локтей, а грязный пиджак валяется на полу.

Кирилл Шакалов даже не сразу меня заметил, поднял мутные черные глаза только тогда, когда я села напротив него в кресло и нетерпеливо протянула телефон.

– Вот. Тут запись, которая сможет открыть вам глаза...

– Черничка... – радостно пропел мужчина и улыбнулся уголками губ, пробирая этой грязной усмешкой до самого позвоночника. – Я тебя помню! Ты была официанткой на моей свадьбе вчера...

Отмахнувшись, я перешла к главному, чтобы поскорее уйти домой:

– Вчера вечером вы застали свою невесту, Снежанну Воронову, в камерке ресторана с вашим заместителем, Камиллом Бековским, помните? – словно ребенку, отчеканила я по слогам. Шакалов тут же растерял все веселье, сжал губы и неторопливо кивнул. – Она сказала, что мужчина затащил ее туда силком и пытался изнасиловать. Камеры это не подтвердили, потому что кто-то их отключил. Пока в ресторане все были в замешательстве, насильник якобы похитил вашу невесту и теперь требует выкуп. Все правильно, господин Шакалов?

Глаза мужчины блеснули злобой, он снова кивнул, но на этот раз более агрессивно, заставляя вжаться в кресло и сглотнуть вязкий ком. Он смотрел на меня так, словно позволял гулять по лезвию ножа, но, как только ему надоем я или мои просьбы, он тут же столкнет в пропасть, не глядя. Такого адреналина от простого разговора я не испытывала еще никогда!

– Зам похитил мою беременную невесту! – выплюнул мужчина, а затем обманчиво спокойно уточнил: – Вы пришли, чтобы рассказать мне то, что я и так знаю?

– Нет! Я пришла сказать, что администратор ресторана и охранник, отвечавший за камеры наблюдения, не виноваты. Ведь все провернули ваши зам и невеста! – испуганно пробормотала я, а затем наконец включила телефон и протянула его Шакалову: – Вот. Слушайте.

Вчера в ресторане, где я работаю официанткой, проходила свадьба. Непростая, светской львицы и нефтяного магната. В сети писали, что Шакалов просто использовал девушку для постели, а затем, узнав про ее беременность, решил жениться, как настоящий мужчина. Кто его знает, правду ли пишут СМИ?

Мне было плевать на то, кто мои клиенты, я просто хотела поскорее закончить смену и пойти уже спать, ведь двое суток до этого потратила на изучение билетов по химии и сдачу самого экзамена... Когда праздник уже подходил к

концу, пришлось отпроситься у лучшей подруги Инги, администратора, и пойти спать. Только в дом, который находится за городом, я решила не спешить, а пошла в небольшую кладовку, где уже давно за бесчисленными полками организовала себе скрытое убежище, и заснула.

Только ненадолго! Вскоре сюда вломилась невеста и заместитель Кирилла, устроив там бурный секс и поделившись очень ценной информацией, которая явно не предназначалась для чужих ушей. Оказалось, что парочка – любовники, которые только и ждут момента, когда смогут подлить Кириллу в еду яд, ведь жена-то не беременна! Как удачно, что я вовремя успела нажать кнопку записи и теперь могла спасти своих друзей от тюрьмы...

Запись закончилась на том моменте, когда в каморку ворвался сам жених, а его невеста начала неистово рыдать и обвинять любовника в изнасиловании.

– Вот и все, – осторожно прошептала я, убирая телефон в сумку. Шакалов продолжал сосредоточенно смотреть в стену, хотя теперь его взгляд казался осмысленным и не сулившим ничего хорошего «вымогателям». – Теперь вы понимаете, что арестованный администратор и охранник ни в чем не виноваты?

– Понимаю... – холодно отозвался мужчина и снова замолчал, а я слишком многое поставила на кон, переступив через себя и придя в дом обманутого жениха, чтобы уйти ни с чем... Откашлявшись, продолжила подводить его к правильной мысли:

– Я думала всю ночь и поняла, почему они сбежали и организовали «выкуп». Ведь вы уже поймали любовника и теперь могли не жениться на Снежанне. А деньги им были нужны, так что...

– Почему у тебя фиолетовые глаза? – мужчина резко перебил меня, заставив замолчать на полуслове. Теперь он не смотрел в стену, а изучал меня. Его липкий взгляд прошелся по лицу, зацепил шею, погладил грудь, живот, бедра и остался между ног, где разошлось случайно задравшееся платье. – Ты носишь линзы? Операция какая-то?

Я привстала, оттянула платье как можно ниже и сделала серьезный вид. Вчера он попытался прижать меня около стойки охраны, но мой парень вовремя среагировал и дальше предложений уединиться дело не зашло. Сейчас же мы

были одни, и это пугало сильнее, чем я представляла.

– Нет. Генетическое уродство, которым одарила меня мать, – сдержанно пояснила я, снова переходя к главному вопросу дня: – Ваш компаньон и невеста просто водят вас за нос! Снежанна даже не беременна, а значит, платить выкуп вы не должны. А еще... нужно отпустить администратора и охранника.

– И внешность у тебя какая-то необычная... Гречанка? Хотя нет... Грузинка, точно! – словно не слыша меня, спокойно говорил сам с собой мужчина. Теперь его глаза сузились и стали темными, как ночь. Внезапно Шакалов слегка привстал и протянул руку ко мне. Я сжалась в кресле и с трудом заставила себя не зажмуриться. Страху нужно смотреть прямо в глаза, даже если от него закипает кровь в венах и сосет под ложечкой!

– Волосы такие длинные и шелковистые, нетронутая естественная красота, хрупкая фигура, сочная грудь... – проведя пальцами по моим заплетенным в косу прядям, он потянул за резинку, заставив волосы рассыпаться по плечам. Я перестала дышать, в панике не понимая, что делать, как вдруг он спокойно спросил: – Кто тебе этот охранник?

– Что, простите? – откашлявшись, я набрала полные легкие воздуха и попыталась убрать руку мужчины от моих волос. Никакой реакции. Он словно каменный! – Не забывайте, я пришла к вам по делу. И соблюдайте субординацию. Мы два взрослых человека, которые просто хотят добиться правды...

– Кто. Тебе. Охранник? – холодно отчеканил Шакалов по слогам таким тоном, словно, не ответь я, окажусь рядом с разбитой вазой на полу. – У тебя была запись, сохранившая мне десять миллионов долларов, которые нужно было заплатить за выкуп. Но ты пришла сюда не из жалости ко мне, нет... Ты пришла просить за подругу-администратора и некого охранника. Так вот, я последний раз спрашиваю: кто он тебе?

Тяжело сглотнув, я попала в плен взгляда Кирилла. Он смотрел на меня так, словно сканировал или читал, как открытую книгу. Словно знает обо мне больше, чем я сама. А сейчас дает шанс признаться самой, иначе будет худо.

– Он мой жених, – все же призналась я и, собрав остатки терпения, в который раз попросила: – Я принесла вам доказательства невинности людей, которых вы обвинили в пособничестве в похищении. Все, что вам нужно, – позвонить начальнику полиции и попросить...

– Думаешь, все так просто? – Кирилл фальшиво грустно свел брови на переносице, а затем провел указательным пальцем по центральному шву платья. От его касания по телу ударило электричеством, заставившим забыть, как дышать и моргать. Сквало, парализовало, убило в тот момент... На меня будто смотрел хищник, способный разорвать на части, дернись я без его приказа. – Давай-ка подведем итоги вместе... Маленькая Черничка перешагнула через все свои страхи и пришла ко мне лично просить за жениха и подругу, потому что в полиции ее наверняка послали. Разве это не мило? Сейчас я должен, по-твоему, расплакаться от жалости, обнять тебя и все всем простить?

Я даже открыла рот от возмущения, так грубо это звучало! Он буквально смеялся надо мной. Наслаждался истинным страхом в моих глазах и упивался мурашками на теле. Как только руки перестали трястись, Шакалову словно захотелось еще, и он поднял руку выше, крепко сжимая мою шею своими массивными пальцами. Я буквально ощущала, как воздуха в легких становится все меньше. Появились легкое головокружение и дымка перед глазами. Но я все равно навсегда запомнила хмельной взгляд Кирилла Шакалова и его кривую ухмылку, полную презрения и мнимого величия.

– Такая хрупкая, нежная и совершенно одна. Ты, Черничка, полностью в моей власти... – Кирилл навис над креслом и нагнулся к самому моему уху. Я дернулась, чтобы сбежать, но теперь он держал не только шею, но и обе руки над головой. – Я увидел тебя еще вчера. Твои глаза поражали. Весь вечер я думал не о свадьбе и невесте, а о том, настоящий ли это цвет глаз.

– Отпустите, прошу... – взмолилась я, но мужчина только сильнее надавил на шею, и из глаз хлынули слезы безысходности.

– Потом я заметил вырез твоей блузки. Черт побери, какая же у тебя сладкая грудь. Уверен, что твой третий размер настоящий, в отличие от этих шкур. Трахать их сиськи – все равно что резиновую куклу, никакого удовольствия... – хрипло прошептал он, а затем я ощутила что-то скользкое на мочке уха, похожее на язык. Из моего горла вырвался краткий крик ужаса, но Шакалов сдавил шею сильнее, не давая возможности даже пискнуть. – Господи, а твои ягодицы! Они

такие упругие, словно два сочных арбуза... Я просидел всю свадьбу с жутким стояком из-за тебя, а затем твой парень не дал мне тебя трахнуть и спустить пар. Как я теперь должен отпустить его, а, Черничка? По-твоему, я совсем идиот?!

Шакалов резко надавил на скулы, заставляя повернуться к нему лицом. Понадеявшись, что мое заплаканное и перекошенное от отвращения лицо как-то ослабит его желание, вдруг увидела блеск в его глазах и поняла, что была не права.

– Я напишу на вас заявление в полицию, – прошептала я, уже понимая, куда ведет его темный, порочный взгляд, скользящий буквально под платьем. Но мужчина лишь усмехнулся, выбивая почву из-под ног. – Пойду к СМИ! Напишу... в студенческий блог! Обращусь к общественности, наконец. Вы просто не можете делать, что придет в голову!.. Не можете...

– Когда ты шла сюда, о чем думала? – с интересом спросил он, задумчиво вглядываясь в глаза. – Неужели, что я просто прослушаю запись, а затем мы пожмем друг другу руки и разойдемся? Не будь такой дурой.

– Я думала, что помогу вам, а вы поможете мне... – измученно прошептала я, несмотря на слезы, которые мешали разглядеть мужчину.

– Не делай добра, не получишь зла! – равнодушно сказал он, отпечатывая эти слова в моей памяти на долгие годы. Затем он облизнулся и внезапно разжал пальцы, буквально отпуская. – А знаешь, ты можешь идти. Прямо сейчас. Вставай и проваливай. Живо!

Мне не нужно было повторять дважды. Подхватив сумочку и телефон со стола, я, словно сумасшедшая, бросилась к выходу, на пути услышав в спину:

– Только если ты сейчас переступишь порог этой квартиры, то твои друзья получат пожизненное... – за спиной раздался мерзкий смех, и я замерла, буквально падая на дверь. – Как ты смотришь на то, чтобы те бабки, которые я приготовил для выкупа, вложить в твоих друзей, мм? Обеспечить им очень «веселую» и насыщенную жизнь на зоне, где сидят серийники и самые отпетые уголовники?

– Ты этого не сделаешь, мразь... – сквозь дрожь шепнула я, только потом поняв, что лишь бросаю вызов этими словами мужчине. Силы покидали меня, безысходность казалась патовой, а желания держать образ больше не было. Так что я просто упала на колени и едва не сошла с ума от леденящего душу предчувствия чего-то ужасающего: – Прошу, не делай этого... Прошу!

– Неправильно, Черничка! – раздался за спиной довольный голос мужчины, потягивавшего скотч и праздновавшего – наконец сломал меня и может диктовать любые условия: – Ты должна говорить: «Что я должна сделать, чтобы моих друзей завтра отпустили?»

Втянув полные легкие воздуха, я зажмурилась и выплюнула без капли вежливости:

– Говори уже!

– Минет. Просто хочу увидеть твои сочные губы в деле. Отсоси мне и можешь проваливать, – бархатно прошептал он, а затем гортанно зарычал, словно от одной мысли об этом ему сносило крышу. – Сегодня исполняешь мои желания, а завтра ты свободна и твои друзья тоже. Идет?

Никогда в жизни мне еще не доводилось взваливать на себя настолько тяжкий груз ответственности! Сидевший в кресле мужчина был омерзительно пьян и не вызывал ничего, кроме дикого желания сбежать из квартиры.

Но, между тем, я ощущала, что выбора у меня нет. Такие, как Шакалов, пишут законы. Даже в полиции мне сказали, что только он решает: отпускать друзей или нет, принимать запись с телефона как улику или нет...

И все же я решилась, вдохнула полные легкие, зажмурилась и, проклиная чертового мецената, быстро выдохнула:

– Хорошо...

Стоило произнести шесть букв, как ощутила себя жутко грязной. Если раньше могла списать поведение Шакалова на насилие чистой воды, то теперь он заставлял меня почувствовать себя продажной шлюхой.

– Но мне нужны гарантии.

– Умная девочка! – поощрительно отчеканил Кирилл, а затем я услышала, как мужчина встал с кресла и направился к постели. – Заключать договор я сейчас не в состоянии, так что могу дать тебе честное слово, которое никогда не нарушаю.

С трудом поднявшись на ноги, я все же повернулась к мужчине лицом и увидела, что он уже лежит на постели и приглашающе хлопает по нему ручкой.

– Мы зря теряем драгоценное время, Черничка. Чем быстрее я кончу, тем быстрее ты сможешь вернуться к мамочке и папочке под крыло, – язвительно выдал он, а затем холодно добавил: – У тебя все равно нет выбора. Либо ты работаешь на моих условиях и веришь слову, либо проваливай, и чтобы больше я тебя не видел на пороге дома.

Я смотрела мужчине прямо в глаза долгую минуту, прежде чем поняла – он не шутит, придется верить ему на слово. Никаких документов, расписок, договоров...

– Даю тебе еще секунду, – устало откинувшись на постели, осведомил Шакалов. – Либо ты делаешь минет, либо я вызываю охрану.

Не помню, что руководствовало мной, когда я сжала руки в кулаки и пошла к нему. Плохо помню эти минуты... Стала на колени около постели, монотонно расстегнула ремень, затем молнию. Дернула брюки вниз, словно неживая кукла, оказываясь один на один с черными боксерами.

– Ты заснула, девочка? – с иронией спросил мужчина, а затем качнул бедрами вперед, продолжая поддевать за живое: – Такое бодрое начало, а затем полное фиаско... Ха! Никогда не видела член, Черничка?

– Просто заткнись и помни про договор, – выплюнула я с такой ненавистью и холодностью, что самой стало жутко.

Я сдернула последний кусок одежды и наконец увидела то, что видеть не собиралась, когда шла на прием к Шакалову. Даже смешно стало! Думала, он

будет грязно подшучивать, приставать и, возможно, даже намекать на более тесные встречи... Но минет? Этого не было даже в худших планах.

Зажмурившись и набрав полные легкие воздуха, взяла рукой член и снова замешкалась. Что я должна делать? Как обычно девушки ведут себя при оральных ласках?

«Очнись, Кристина! Ты должна вспомнить, что нужно делать и воплотить все с точностью до наоборот. Тогда Кириллу не понравится, и он вытолкает тебя вон», – появилась идея в голове, но я тут же открестилась от нее, подумав, что тогда останусь не только без чести, но и без друзей.

– Ты меня утомляешь, – подал голос Кирилл. – Помни, выбор все еще за тобой. Либо наш уговор, либо я просто вызываю шлюху. Мне срочно нужно сбросить напряжение, Черничка. По хрену, кто это будет.

В тот момент было странное осознание неизбежного. Перед глазами пронеслось предложение от парня Влада и десять лет нашей неразлучной дружбы с Ингой. Сегодня днем я приходила навестить их в приемник и застала избитого до полусмерти бойфренда и подругу, всю в порванной одежде. Конечно, они не сказали, что с ними делали и как допрашивали. Но нужно было предполагать худшее. Я была в полиции, пыталась дать интервью газете, ходила на прием к мэру... Но повсюду передо мной закрывались двери, пока не подъехал черный джип, из него не вышел двухметровый амбал и не сказал: «Либо ты засовываешь язык в задницу и не высовываешься, либо идешь базарить к боссу. Кирилл Владиславович ждет». Пришлось сесть в авто.

– Я не могу... – тихо прошептала я, с мольбой посмотрев на Шакалова. С глаз текли слезы, руки тряслись, а в голове все перевернулось на сто восемьдесят градусов. – Прошу, умоляю! Придумайте что-то другое!! Да что угодно! Только не это... Это выше меня.

– Нет. Ты потеряла свой единственный шанс, Черничка, – с улыбкой сказал Кирилл, а затем спокойно встал и медленно подошел к столу, стараясь не делать резких движений, чтобы не упасть. Мужчина поднял со стола телефон и набрал некий номер, отдавая команду, словно цепному псу: – Там у вас задержаны администратор и охранник из вчерашнего ресторана. Организуй им статью какую-нибудь покруче. Так, чтобы на пожизненное, – с презрением

посмотрел на трясущуюся меня и с ненавистью выплюнул: – А, еще! Пусть девку и этого пацана по кругу пустят. Но чтобы без перебора. Пожизненное они должны от корки до корки отсидеть.

– ЧТО? Нет... – голос охрип, а перед глазами пробежала вся жизнь. Что я за человек такой, если не могу пойти на какую-то ерунду ради подруги и любимого?! Это ведь даже не настоящий секс!! Принципы, принципы, принципы... В реальной жизни им места нет.

– Я все сделаю! Обещаю... Обещаю! Просто отмените все, прошу... – взмолилась я, тут же бросившись к мужчине. Он кинул телефон на кровать, а от меня отмахнулся, словно от надоедливой мошки.

– Проваливай, Черничка. Толку от тебя ноль. Только настроение испортила, – фыркнул он, а затем снова плюхнулся в кресло и потянулся к закрытой бутылке скотча.

Паника – вот что поработило сознание, когда я в приступе кинулась перед мужчиной на колени и начала умолять. Не помню, что я говорила... Это было неважно. Он просто пил, словно я ничего не для него не значу. Очередная девочка, которая просит и умоляет на коленях. Продавшая ему свою гордость. Переступившая черед себя.

– Говоришь, все сделаешь? – спустя долгие полчаса он наконец вспомнил обо мне и повернулся. Затем его пальцы грубо схватили мое лицо, поднимая на свет. Шакалов осмотрел его со всех сторон, словно оценивая – какова стоимость. Затем прищурился и отчеканил по слогам: – Это мое последнее предложение. Откажешься, испугаешься, сбежишь – твое право. Просто наша договоренность отменится. К тому же ты меня очень сильно разозлила, так что отправишься прямо к друзьям.

– Все, что угодно! Все... Я готова на любые условия, – вытирая на скорую руку слезы, я готовилась к худшему, но даже не представляла границы возможностей Кирилла Шакалова. О нем шли темные легенды, но и они не были настолько ужасны, как его следующие слова:

– Я тебя продам, – только и сказал он, а затем буднично налил себе выпить, достал из кармана сигарету и затянулся. – Есть такое развлечение среди моих

друзей – собираться вместе, устраивать торги, приводить живой товар и покупать. Так вот в прошлом году я поспорил, что за мой товар на аукционе дадут больше всего денег. Еще вчера, на свадьбе, я понял – твои глаза будут моим козырем.

– Но рабство незаконно... – не веря своим ушам, прошептала я, падая на пол окончательно. Что вообще происходит? Может, я сплую?..

– Рабство незаконно для таких, как ты, Черничка, – отмахнулся Кирилл, а затем выпустил клуб дыма мне в лицо и начал оценивать: – Лицо милое, фигура хорошая, задница и сиськи что надо. Волосы шикарные... Но этого мало! За твои глаза много не дадут, а в твоих интересах, милая, чтобы я продал тебя подороже. Если нет – никакой сделки и твои друзья станут самыми грязными шлюшками серийных маньяков. А ты... Для тебя я придумаю что-то особенно унижительное и грязное, Черничка!

Резко втянув воздух, я окончательно сошла с ума. Почему? Да потому что сдалась. Не пыталась отстоять свое, противиться или просто плюнуть на все и уйти... Нет! Я начала думать: как продать себя подороже.

– Что в тебе особенного, Черничка? – не унимался Кирилл. – Нужно что-то такое, что сведет мужчин с ума, заставит ломить цену и бороться за тебя, как за последний кусок мяса на земле!.. Я ломал голову целый год...

– Я... Я девственница, – выпалила я, тут же засмотревшись себе по ноги. Неужели я на самом деле произнесла это вслух? Впервые.

– Там все девственницы. Сейчас восстановить плеву – копейки. Что дальше? – одна сигарета полетела в пепельницу, и мужчина тут же закурил вторую. Две затяжки – ее нет. В ход пошла третья.

– Вы не понимаете! Я совсем девственница... Абсолютно... – выдохнула я, представляя, как убого выгляжу со стороны, выставя себя дорогим товаром перед этой мразью. И не пора ли задуматься о том, что дальше? Ну продаст меня этот мудака, а потом? Вечно жить в рабстве?.. Или просто секс и до свидания? Но спросить не решилась. Вдруг лишние вопросы разозлят Шакалова окончательно. – Никакого восстановления не было. Я не занималась сексом, не делала минеты и даже не мастурбировала. Да и поцелуи... В общем, мой парень

глубоко верующий, так что опыта никакого.

– Сколько тебе? – с интересом спросил Кирилл, и я буквально почувствовала, как его взгляд скользит по груди, животу и бедрам. Мерзкие мурашки прилипли к телу и вызывали чувство обреченности, лютой ненависти и агрессии в адрес мужчины. Наверное, повернись в тот момент он ко мне спиной, убила бы. Наверное, облегчила сотне людям жизни.

– Девятнадцать. Сегодня исполнилось.

– И хочешь сказать, никто тебя не трахал? Не верю! Да у тебя на лбу написано: "Выеби меня во все щели!" – мужчина резко вскочил на ноги и взял меня за руку. Дать мне встать он не планировал, а просто потащил к кровати, словно кукую-то неживую куклу, по полу, не заботясь о сохранности. Ворс ковра больно царапал кожу, а я морщилась от боли и старалась извернуться так, чтобы следов не осталось. Затем Шакалов поднял меня одной рукой, не глядя, и кинул на матрас. Задрал платье, стянул колготки, трусики и, несмотря на мои неосознанные попытки прикрыться, раздвинул ноги и устроился между ними. Долгое время он копошился между бедер, внимательно рассматривая кожу и присматриваясь. – Блядь... Не может быть.

– Вы все? – прохрипела я, пытаюсь закрыться, спрятаться, отвернуться. Но нет. Шакалов внимательно искал признаки моего вранья. Его сальные пальцы трогали самые интимные места, которые не видел даже любимый мужчина. Он нюхал меня, изредка касаясь носом, довольно мычал что-то неразборчивое, а затем снова продолжал свой осмотр. И плевать на слезы, мурашки, мольбу. Кто я против него? Так, мошка на пути к цели...

Тогда, впервые в жизни, мне хотелось умереть. Просто закрыть глаза и не проснуться. Но, увы, жизнь та еще стерва.

– Клитор такой чистенький, кожа не растянута, да и все в целом... Не прикопаться! Либо это лучшая работа, что я когда-либо видел, либо ты Черничка, мой выигрышный билет, – довольно промурчал мужчина, а затем резко поднялся на ноги и потянул меня за руку. – Сиду тут. Я скоро. Нужно организовать тебе все по высшему разряду!

Не прошло и получаса, как в комнату вошел некий старик. Он представился врачом. И все! Никакого имени, фамилии или даже инициалов.

– Абсолютная девственница, – подтвердил этот самый работник медицины после осмотра и забора крови. – Насчет болезней скажу позже. Час вы сможете подождать, господин Шакалов?

Старик ушел, а за ним Кирилл притащил стилиста, визажиста и еще целую бригаду людей, которые трогали меня, рассматривали, прикидывали что-то и рассуждали вслух.

– Думаю, лучше собрать волосы наверх. В прошлом году все девушки на показе были с распущенными...

– Комбинацию выберем фиолетовую с черным – подчеркнем глаза...

– Ванну ей сделаем с черничным ароматизатором, чтобы сладким пахла...

– Ногти! Ногти тоже с черниками...

Не знаю, наверное, в тот день я умерла... Еще когда не смогла сказать Шакалову «нет», встать и уйти. Всю жизнь люди пользовались этой моей чертой характера, кто-то называл ее глупостью и доступностью, а кто-то сверхмерной добротой. Стоило человеку оказаться в опасности, как я готова была отдать все деньги, снять последнюю одежду, чтобы помочь. Как и сегодня.

Но жизнь нас учит, ставит на свое место и показывает, как глубоко можно пасть. Карма настигает каждого. Соглашаясь на условия Кирилла, я подложила себе свинью. Знала, что не справлюсь, не выдержу, сломаюсь, и все равно согласилась...

Я умерла тогда... Я умерла в день своего девятнадцатилетия... Или, быть может, умерла моя душа? А на что способен человек без души? Явно не на что-то хорошее.

Я безразлично стояла перед зеркалом и оценивала трехчасовую работу людей Шакалова. За это время никто из них не спросил, кто я, как меня зовут и

нравится ли что-то мне. Они просто мыли меня, вычищали, красили, приводили в товарный вид. А я? Наверное, это называется стресс, когда ты воспринимаешь реальность сном и не чувствуешь ничего, кроме жуткой боли в области груди и желания плакать.

И вот теперь на мне было черное гипюровое белье с фиолетовыми вставками, чулки и туфли на таких шпильках, которые не носят даже самые отпетые шлюхи. Ногти нарастили, как и ресницы. Губы нарисовали светло-лиловым, а черные волосы до пупка выровняли, решив все же не трогать.

Внезапно кто-то ворвался в комнату. Естественно, это был сам работорговец. Он обошел меня кругом, а затем выгнал всех грубым: «Вышли вон».

– Знаешь, что это? – покрутив у меня перед носом своим телефоном, спросил Кирилл, – Твой счастливый билет. Я уже позвонил кому нужно и приказал перевести Ингу Игнатову и Владислава Раму в более комфортные условия. Сегодня до часа ночи мы решим, чем закончится дело об исчезновении моей «жены»: арестом или освобождением.

– Но никто никого не похищал. Они просто сбежали от вас... – вырвалось против воли, и я тут же отвела взгляд, когда черные глаза Шакалова блеснули злостью.

– Но, кроме тебя, об этом никто не знает, Черничка, – совершенно спокойно заявил мужчина. – И не узнает. Потому что я хочу разобраться с ними сам.

В тот момент я даже представить боялась, что может ждать невесту Шакалова и его заместителя, но по большей части было плевать. Я ощущала, что назревает что-то ужасное. Знаете, этот адреналин, как предчувствие события, способного изменить всю твою жизнь? Сейчас у меня сосало под ложечкой сильнее, чем когда-либо.

Кирилл вальяжно подошел к широкому деревянному столу и положил на него некий предмет, похожий на тампон, только черный, плоский и пластмассовый. Затем открыл бутылку мартини и налил полный бокал, насыпав в него некий порошок из кармана.

– Я не уверен, что ты сможешь избавиться от своего перепуганного крысиного взгляда, даже если я запугаю тебя до смерти и стану угрожать родителям,

именно поэтому нам нужен допинг. – Шакалов устало подошел ко мне с бокалом и странным тампоном, затем всунул бокал в руки. Сам же монотонно, не спрашивая, отодвинул трусики и вложил предмет между половых губ. Затем посмотрел в глаза так, что сердце упало в пятки, и отчеканил по слогам: – А теперь пей. До дна и залпом.

Я выполнила его приказ, тайно надеясь, что это цианистый калий. Но нет. Обычный неприятный алкоголь, от которого тут же закружилась голова и сердце стало биться менее резво.

– Хочешь знать, что это? – игриво приподняв бровь, Кирилл наклонился прямо к моим губам, пока его рука скользнула поверх бедер, хоть и не по голой коже. Я нахмурилась и попыталась инстинктивно отступить назад, но он лишь сильнее сжал руку, удерживая на месте.

– Нет, – выдохнув, решила рискнуть всем и, прикусив губу, уверенно спросила: – Меня интересует другое. Вы меня продадите подороже, выиграете некое пари... А что дальше?

Кирилл усмехнулся, а затем, словно в последний раз, провел носом по скуле, втягивая запах ароматизатора ванили. Он резко отошел в сторону, а затем вернулся к столу за очередной порцией скотча.

– Я стану богаче на десять тысяч евро, Черничка. А! Ну и твои друзья продолжат свое бессмысленное существование не на зоне, – равнодушно выплюнул он, словно провоцируя меня на эмоции.

– Я имею в виду себя. Что делает... покупатель с... товаром?

Да! Я это сказала. Далось тяжело, отняло остатки сил. Но... То ли «коктейль» Кирилла подействовал, то ли появилась какая-то странная смелость и дерзость. А еще головокружение, дымка перед глазами и полное отсутствие инстинкта самосохранения.

– Каждый раз по-разному, – равнодушно пожал плечами он, а затем сел в кресло, уставившись на меня. Его глаза были полужакрыты, руки вальяжно раскиданы в стороны, а нога закинута на ногу. Шакалов пялился на меня долгих пять секунд, и я буквально видела через кристаллики его зрачков, как в мыслях он уже

оттрахал меня во всех позах. – Большинство держат в качестве любовниц на короткой цепи. Такие шлюхи обязаны выполнять любую, даже самую грязную прихоть хозяина. Но есть и исключения: двое женились на товаре, один заставил девушку наплодить себе целый детский сад, а на последнем аукционе мужчина просто пожалел «бедняжку» и отпустил ее к семье. Что тут скажешь? Идиот.

– Не понимаю... – вконец осмелев, я впервые за день начала думать трезво и плюхнулась в кресло напротив Кирилла. Странный алкоголь с порошком нравился мне все больше! – В чем интерес? Найти девушку и насильно продать ее какому-нибудь уроду.

– Не насильно, если хочешь знать, – поправил меня Шакалов, с усмешкой глядя на мое изменившееся настроение. – Для нас это спорт. Найти самый ценный товар и выручить больше денег. Для девушки – шанс найти спонсора. Так что тебе еще повезло, Черничка. Освободишь друзей и найдешь богатого папика.

Внезапно стало душно до чертиков. Я откинулась на спинку и, широко расставив ноги, начала обмахиваться руками. Ничего не помогало. Хрупкие капельки пота выступали на животе, груди, делая волосы влажными. Я откинула их в сторону, обнажая часть кожи в районе бюстгалтера, а затем волком взглянула на Шакалова:

– Лучше умереть, чем быть с таким, как ты. Деньги – средство, а не цель. Они облегчают существование, а не заполняют его.

– А знаешь, Черничка... – Шакалов не слушал меня, что естественно. Он приложил руку к губам, блуждая взглядом по телу, словно вылизывая его своим языком. По ощущениям было так же слизко и мерзко. – Я все же хочу рассказать тебе, что за устройство в твоих половых губах. А лучше – протестировать его прямо сейчас.

Правая рука Кирилла оказалась в кармане брюк, и мне показалось, что он нажал на какую-то кнопку. Как вдруг между ног появилась вибрация, и я резко сжала бедра, вопросительно глядя на Шакалова.

– Ты когда-то испытывала оргазм? – низко, с придыханием спросил он, цепко сканируя лицо и стараясь не пропустить ни одной эмоции.

– Никогда, – по инерции призналась я. Пальцы сжали быльца кресла, и я выгнула спину, хрипло застонав. Сознание было совсем пьяным, я забыла, почему нахожусь здесь и кто я? Что это?.. Действие алкоголя или вибратор Кирилла?

– Я подмешал тебе наркотики в алкоголь. Убийственная смесь! Подозреваю, что это первый твой опыт, так что будешь чувствовать себя чертовски пьяной, но без проблем с координацией. Возможно, забудешь даже свое имя, но говорить тебя никто просить не будет. А молчать у тебя выходит хорошо, – торопливо пояснил мужчина, но я больше не могла видеть его лица. Мои глаза были закрыты, а все мысли сосредоточились между ног. Приятная волна накатывала снова и снова, словно подталкивая к чему-то большему и приятному. Я тяжело дышала, положила ногу на ногу и против воли открыла рот, чтобы выпустить стон. В комнате были только я и вибрация. Но голос на заднем фоне шептал: – Боже, ты будешь охуительной любовницей! Очень темпераментной... Если бы ты знала, как я хочу насадить тебя на свой член и трахать до рассвета, пока ты не кончишь или не потеряешь сознание... А затем ты бы сделала мне минет, глядя только на меня своими фиолетовыми космическими глазами. Я бы сжал твое горло и заставил проглотить все до последней капли. Все, Черничка! Ты хочешь этого?

Кажется, он снова что-то нажал в кармане, и я окончательно провалилась в яму ощущений. Тело било судорогами, соски набухли, а ноги сводило от напряжения. Но это был еще не конец. Я ощущала, что еще немного, совсем чуть-чуть, лишь каплю больше и...

– Не слышу ответа, Черничка, – прошептал мужчина прямо над ухом, а я и не услышала, как он подошел. – Чего ты хочешь? Скажи!

Шакалов снова нажал кнопку, и вибрация буквально выбила меня из колеи. Заставила кричать, стонать, биться в конвульсиях, раздирать кожаные быльца.

– Я хочу кончить, – взмолилась я, а затем отчаянно прошептала: – Прошу...
Прошу... Прошу...

– Хорошо... – хрипло выдал из себя Кирилл, а затем я ощутила его язык на своей шее. Он гортанно зарычал, словно еще никогда в жизни ему не приходилось сдерживаться с таким трудом, а затем глухо приказал: – Быстро раздвинь ноги.

Несмотря на убивающие спазмы, я послушалась. Между тем, вибратор коснулся прямо клитора, и я кончила быстрее, чем могла представить. Я не помнила, кто я, где и почему нахожусь в этой комнате полуголой. Мне просто было хорошо. Первый в жизни оргазм. Лютый, всеобъемлющий и разрывающий изнутри. Каждая клеточка тела трепетала, умоляя о чем-то большем, и я в полудреме прошептала:

– Кирилл... Я хочу, чтобы ты взял меня сейчас. Прошу. Мне... Мне мало.

Не знаю, когда Шакалов успел отойти, но его голос слышался в районе двери. С трудом открыв глаза, увидела, как мужчина поворачивается ко мне у открытой двери и криво усмехается:

– Если ли бы ты знала, как сладко это звучит из твоих губ, но... Ты товар, Черничка. Жди. За тобой скоро придут.

Он захлопнул двери и просто вышел. Но я не чувствовала боли, печали, радости или даже страха. Мне было все равно. Чернота уносила куда-то глубоко-глубоко, и я заснула.

Глава 2. Ведомая или ведущая?

Меня разбудил резкий поток света, бьющий прямо в лицо. Судорожно открыв глаза, я мельком взглянула на седовласого старика в костюме дворецкого и тут же закрыла их рукой.

– Какого черта вы направили свет прямо в глаза?! Я что, на допросе?? – закричала я, хмурясь. Сознание немного прояснилось, недавние воспоминания хоть и были мутными, нечеткими и мало осознанными, но скребли по сердцу наточенными вилами.

– Ты не просыпалась, девочка, и на губах была пена. Все признаки передозировки, – прошептал мужчина на ухо, а затем приложил руку ко лбу. – Но ничего, я уже научен оказывать первую помощь сам, чтобы не тревожить господина Шакалова.

– И что вы сделали? – голос пропал, и я, прокашлявшись, осмотрелась по сторонам в поисках воды. Но старик успел раньше, протянув мне целую баклашку. Я выпила литр за раз, все еще ощущая дикую жажду.

– Вколол лекарство, а затем провернул фокус со светом. Не знаю как, но это работает! – довольно воскликнул дворецкий, а затем потянул меня за руку, заставляя встать. Сперва немного шатало, тошнило и мысли путались, но не прошло и пяти минут, как сознание прояснилось. Старик улыбнулся, увидев это, а затем больно треснул меня по лбу пальцами: – О чем ты думала, когда принимала наркотики перед аукционом? Знал бы господин Шакалов, устроил бы тебе наказание! Но ничего... Я привел тебя в чувство, и никто не должен заметить подвоха.

Я скромно кивнула и все же облокотилась на стену. Странный день выдался... Из скромной девочки, которая собиралась замуж за сына священника, превратилась в продажную шлюху, которая едва не умерла от передозировки. А еще этот чертов оргазм...

Стоило вспомнить о Кирилле, и кровь в венах закипала, кулаки сжимались, а желание придушить его было таким сильным, что на мгновение оттесняло полную отрешенность от происходящего. Он – зло всего человечества, прыщ на теле общества или робот без сердца – стал мужчиной, подарившим мне первый оргазм.

И даже тот факт, что Кирилл не прикасался, не тешил. Я молила его о большем, хотела отдаться...

«Это была не ты, Кристина. Наркотики меняют человека до неузнаваемости. А урод Шакалов едва не убил тебя дозировкой!» – прошептало подсознание, но я отмахнулась от него и проследовала за стариком.

– Что мне нужно будет делать? – спросила я у него, когда мы шли по длинному коридору громадного дома. Все вокруг нагнетало и без того тревожную атмосферу: приглушенный свет, красные обои и полное отсутствие людей.

– Ничего сложного или особенного. Выйдете на сцену. За спиной будет идти видеоряд о вас... А дальше разберетесь, – холодно отчеканил мужчина, а затем вдруг остановился и открыл дверь в самом конце коридора. – Вот. Посмотрите

пока торги предыдущей девочки.

Когда я входила в нее, еще не знала, что это что-то типа актового зала в логове Шакалова. В дорогих позолоченных креслах сидело около десятка мужчин среднего возраста. Они были в полумраке, пили крепкий алкоголь и создавали дымку вокруг своими вечно зажженными сигарами.

На небольшой сцене стоял молодой парень в смокинге и миловидная девушка лет двадцати пяти. За ней, на импровизированном экране-стене, шел странный видеоряд... Девушка каким-то образом изворачивалась и поднимала гири своим... сокровенным местом.

– Перед вами – жрица любви. На ее счету больше ста удовлетворенных мужчины! Даже геи получают удовольствие от ее шаловливых пальчиков и язычка. А что уж говорить о секретном оружии? Вагиной девушка может поднимать гири весом до двадцати килограмм. Мышцы натренированы знатно! – представил девушку аукционист, пока блондиночка выгодно изгибалась перед зрителями, подмигивала, флиртовала и смеялась. – Кто скажет свою цену первым?

– Больше тысячи эта старая карга не стоит! Посмотрите на нее... Даже если она газели поднимает своей вагиной, лицо ее никуда не денешь. Мне что, прикажете трахать ее с мешком на голове? – рассмеялся один из возможных покупателей в первом ряду. Я перевела на него удивленный взгляд и заметила щуплого неприятного сноба лет сорока пяти. Бок о бок с ним сидел Кирилл, согласно кивавший на заявления друга, но по другую руку от моего «работоторговца» обосновался совсем другой экземпляр...

Я сразу заметила его в толпе. Тот парень был другим... Притом, что Шакалову на вид было не больше тридцати, парень выглядел и того младше. Он был худым, щуплым, с зачесанными назад длинными волосами и ростом, словно у баскетболиста.

– Есть еще желающие приобрести даму? – скупое предложил аукционист, но никто не подал и звука.

– Ничего, милая. Будешь моей домработницей. Посмотрим, как твои таланты помогут разгрести дерьмо за собаками, – предложил мерзкий старик, и в зале раздался звонкий хохот. Не уверена, что шутка показалась кому-то смешной, но

было явно другое – седовласый мужчина имеет авторитет. Все вокруг словно боялись не разделить его шутку.

В голове сразу появился странный вопрос: если Шакалов будет зол, а незнакомец – доволен, кого поддержит публика?

Ведущий аукциона уже собирался ударить молотком, как молодой парень рядом с Шакаловым резко поднял табличку и гордо заявил звонким голосом:

– Даю пять тысяч за эту нимфу. Боюсь, господин Коронов не может оценить по достоинству девушку, которой меньше шестнадцати и нет накладной груди с задницей. Все же возраст берет свое...

– Продано! – молоток ударил, а «рабыня» скривилась от недовольства, не потешив свое самолюбие. Мне же, наконец, стало интересно... Ведь этот самый Коронов вскочил с места и подлетел к парню, схватив его за шиворот и подняв с места.

– Что ты себе позволяешь, сморчок?! Это была утка СМИ. Я никогда не увлекался педофилией! Никогда, ясно тебе?? – рычал он на него, словно умалишенный. Я испуганно глянула на охрану – стоят смирно и не шевелятся. Гости, скучая, попивают алкоголь. И лишь парень весело усмехнулся и бросил Коронову:

– Вы преувеличили насчет блондинки, а я насчет вашей репутации. Все в расчете. Что за эмоции? Неужели я так сильно вас задел, господин Коронов?

Не знаю, чем мне так понравился этот парень. Возможно, в стрессовой ситуации человек просто обязан найти менее противный кусок дерьма в общественном туалете. Иначе не выжить. И я засмеялась. Громко и звонко, совсем забывая, кто я и зачем тут. Мне просто понравилось, как перекосило лицо Коронова, когда его сделал парень, по возрасту подходивший в сыновья.

И, естественно, именно в этот момент аукционист решил выключить сопровождающее видео за спиной девушки, тем самым заглушая музыку. Весь чертов зал обернулся в мою сторону, с интересом рассматривая.

– Твои глаза... Они космические! – мило улыбнувшись, самый молодой в зале парень смотрел мне только в глаза, несмотря на провокационный наряд. Подмигнул, слегка оттолкнул Коронова и кивнул головой в знак приветствия: – Максим Абрамов. Приятно познакомиться с такой лишающей голоса красотой!

Я уже открыла рот, чтобы поздороваться в ответ, как тут же поперхнулась. Вибрации, исходившие от одного конкретного человека в зале, действовали даже физически. Я повернула голову к Шакалову и почувствовала привкус горечи на языке и его мысленный посыл: «Только попробуй еще раз высунуться».

Я непонятливо свела брови на переносице, ведь, если следовать логике, так меня купят дороже. Но Шакалов явно моих посылов не разгадал или просто делал вид. Его кулаки сжались, желваки заиграли, и даже в полумраке было видно, как глаза стреляют молниями. Ей богу, если у дьявола есть человеческий облик – это Кирилл Шакалов в порыве едва контролируемой ярости.

– А теперь у нас следующий лот! Товар господина Кирилла Шакалова – девушка с фиолетовыми глазами. Не могу не отметить важный факт, что таких людей всего считанные единицы на земле и все они живут в Египте! – воскликнул аукционист, и я быстро проследовала на сцену на ватных ногах.

Десять мужчин смотрели на меня, словно голодные коршуны. Неприятные, липкие взгляды сыпались со всех сторон, облепляя словно панцирем. Я дышала через раз, забывала глотать и постоянно облизывала губы. Черт... Лучше и вправду быть под наркотиками, чем испытывать реальность в трезвой шкуре.

– Такого не может быть! – воскликнул неугомонный Коронов. – Это либо линзы, либо какая-то операция. Шакалов решил провести нас, как школьников!

– Нет, господин, – тут же переманил его внимание на себя аукционист. – Девушка прошла медицинское обследование. Так что можете быть уверены... К тому же по правилам аукциона после покупки ваш врач может лично осмотреть девушку и удостовериться в честности господина Шакалова.

Коронов сел на место и уставился на меня так, как в последний раз. Его крысиные глаза прошлись по каждой клеточке моего тела, насилуя своей придирчивостью и скрупулёзностью. Да, Кирилл Шакалов тоже смотрел на меня с похотью, но... не так грязно, мерзко и уничтожающе. Мельком встретившись

взглядом с Короновым, я увидела там свою смерть: пытки, насилие, извращение. Все это было в ехидной ухмылке еще до того, как он услышал главное:

– Кроме того, девушка абсолютная девственница. Абсолютная, господа! Ни разу ни мастурбировавшая, что подтвердил наш гинеколог по состоянию кожи, – продолжал час моего падения парень на сцене. И если я думала, что худшее в моей жизни уже произошло, то ошиблась – аукционист внезапно отодвинулся от сцены и сделал экран монитора полностью доступным для зрителей. – Пару часов назад девушка получила свой первый в жизни оргазм от вибратора в доме хозяина вечера, господина Шакалова. Он любезно предоставил нам эти кадры, чтобы вы не жалели своих денег!

Удар... Еще удар? Нет, его не было, сердце умерло от стыда, горя и потери. Я просто стояла. Не ощущая ног, рук, времени. Вот парень нажимает на кнопку и включает запись со скрытой камеры из кабинета Кирилла. Вот мой взгляд с испугом падает на него, но мужчина не видит меня – смотрит сквозь. словно я мебель, вещь, собственность.

Из видео доносятся крики, стоны, мерзкие слова Шакалова. Взгляды в зале становятся все заинтересованнее, грязнее, требовательней. Все словно ждут чего-то, поглядывают на Шакалова и его карман брюк. Но он молча сидит и смотрит видео, словно это не шокирующие кадры, а художественный фильм.

Вдруг осознала, что, нажми он сейчас на кнопку в своем кармане, сошла бы с ума.

Мои глаза опускаются вниз, руки трясутся, ноги подкашиваются, а из глаз текут горячие слезы. Я ведь не смогу быть больше прежней. Никогда. Нет больше Кристины, официантки, есть душевнобольная Черничка, чья-то будущая рабыня.

– Пять тысяч!..

– Десять!..

– Ставлю сразу пятьдесят.

Бесчисленные голоса вокруг фонили, но один я услышала четко – Максима Абрамова:

– Даю двести и хочу забрать ее сейчас же. Неужели вы не видите, что девушке плохо? Ей нужна помощь и полный покой.

Я подняла на него глаза с надеждой и тут же споткнулась о его полный горечи и извинения взгляд. Одними губами парень шепнул: «Все будет хорошо. Выдохни. Я тебя спасу». И я улыбнулась ему. Наверное, только такая откровенная ложь помогала окончательно не потерять себя.

Это был словно лучик надежды, свет в конце туннеля или шанс на менее унизительное будущее. Смотрела только на Максима с надеждой и питалась его доброжелательностью, ведь своих сил не осталось. Он держал контакт со мной, словно знал – оборви его, и моя психика наконец сдастся.

Аукционист уже почти ударил по столу молотком, как Коронов раздраженно выплюнул:

– Даю триста, и заканчиваем эти чертовы торги.

По спине прошел холодок, и я тяжело сглотнула вязкий ком, умоляюще взглянув на Абрамова, минуя абсолютно отрешенное лицо Шакалова.

– Пятьсот, – не подвел меня Абрамов.

– Шестьсот.

– Семьсот... – менее уверенно ответил мужчина, поглядывая на меня с опаской.

– Ставлю миллион, сосунок, и эта шлюха уедет со мной. Вряд ли в свои двадцать пять ты способен наскрести такую сумму! – с усмешкой воскликнул Коронов, а затем с ненавистью посмотрел на меня и буквально выплюнул: – Тебе придется долго отрабатывать деньги, дорогая. И ты даже представить не можешь, что тебя ждет! Ближайшей месяц твоей жизни станет самым ужасным, что ты когда-либо переживала.

Наверное, в тот момент я осознала, что это конец. Опершись на трибуну, с ужасом посмотрела на престарелого Коронова и увидела свою смерть. Снова. Да... Еще недавно она казалась призрачной неправдой, но сейчас почти подтвердилась ударом молотка. Наверное, среди всех уродов в зале Коронов выглядел устрашающе всех. Спокойный на вид, с самыми черными демонами в душе...

Сумасшествие пришло, откуда не ждали. Перед глазами менялись картинки: предложение Влада руки и сердца – будущие пытки сорокалетнего извращенца; девичник с подругой на крыше дома – мой оргазм перед десятком людей; арест любимых людей – унижения перед Шакаловым...

– Ставлю два миллиона, и мы расходимся, господа, – внезапно подал голос Шакалов, и все вокруг затихли.

– Нет, друг... Так нечестно. Ты не можешь купить свой товар! – запаниковал Коронов, который наверняка построил на меня далеко идущие планы. – К тому же ты обещал живое шоу с вибратором после видео. И где оно? Цена могла бы возрасти в три раза за такое...

– Повторяю еще раз, – ледяным тоном отчеканил мужчина, глядя куда угодно, только не на меня. – Я забираю ее себе. Нет такого правила? Появилось с сегодняшнего дня. Кто не доволен, может просто встать и уйти. А теперь прошу всех покинуть мой дом. Сейчас же!

И, кто бы мог подумать, не прошло и секунды, как с места вскочил Коронов. Шепча проклятия в адрес хозяина вечера, он быстро поднялся на ноги, но затем споткнулся, пытаясь сбежать быстро, и позорно упал на Шакалова.

К нему подбежала охрана, началась паника, суматоха. Все вдруг захотели помочь «бедному» гостью, но я просто монотонно наблюдала за происходящем, словно это не со мной... Где-то далеко, в другом мире, в параллельной реальности. Цепкий взгляд честной официантки уловил, как Коронов, пользуясь обескураженностью Шакалова, бросает тому в карман что-то вроде мини-ручки. Затем быстро встает, на ходу презрительно крича:

– До свиданья, господа. Больше вы меня тут не увидите. Не люблю тех, кто нарушает мои правила.

Постепенно люди из зала уходили. Медленно, не издавая лишнего шума и не разговаривая, они покидали корабль, словно крысы. Я все стояла в одном положении, боясь дышать и думать... Просто ждала, чем закончится происходящее.

Сил было мало, словно кто-то выжал меня, как лимон, а затем вытер пол остатками. Но я упорно повторяла себе: «Стой, терпи, еще немного! Иначе все будет зря...»

Затем дверь хлопнула, и я как по щелчку упала на колени. Сжавшись в клубок на полу, пыталась унять дрожь, но слышала лишь хриплые рыдания. Свои...

– Это слишком даже для тебя, братец! – внезапно воскликнул Максим, и я замерла, вдруг осознав, что кроме Шакалова в комнате остался еще и Абрамов.

– Ты хотел войти в бизнес и найти себе друзей. Я показал тебе, где собираются самые влиятельные люди. В чем ты меня обвиняешь? – спокойно отчеканил Кирилл. Краем глаза я увидела, как мужчина спокойно сидит на прежнем месте и пьет алкоголь, словно воду. Он протянул стакан Максиму, но тот лишь оттолкнул руку. Это было сделано так резко, что бокал улетел в стену, а его осколки мелким песком осыпали пол. Губы Шакалова тут же сжались в тонкую линию, а сам он подозрительно спокойно протянул: – Помни свое место, мальчик.

Абрамов растерянно провел пятерней по короткому ежику, а затем сделал шаг ко мне и указал пальцем.

– Ты сказал, что девушки добровольно соглашаются на аукцион. Но не эта с фиолетовыми глазами... Эта ведет себя как жертва! – прорычал он, а затем нагнулся ко мне и вполголоса добавил: – Она не соглашалась. Ты ее заставил. Черт, Шакал! Как так?

Максим с опаской осмотрел меня с ног до головы, и я могла только представить, как жалко выгляжу. Его рука коснулась волос, только чтобы убрать пару случайно попавших осколков, но я вздрогнула и вновь расплакалась.

– Черничка, я тебя к чему-то принуждал? Заставлял быть тут? – вальяжно поднявшись с места, Кирилл вдруг решил присоединиться к брату. Он спустился

на пол и сел на ноги, прежде чем заглянуть мне в глаза, криво улыбаясь: – Скажи, я давал тебе выбор или привел сюда за руку?

Шакалов смотрел на меня так, словно ждал правильный ответ. И хоть этого не было озвучено, но его озлобленный взгляд явно кричал: «Только попробуй ответить неправильно. Условия ты знаешь!»

– Господин Шакалов давал мне выбор, не заставлял быть тут, – словно мантру отчеканила я, а затем выдохнула: – Я... сама хотела.

Повисло неловкое молчание. Абрамов недоверчиво просмотрел на Шакалова, а тот лишь развел руками и равнодушно окинул меня невидящим взглядом. Я уже было представляла те ужасные мысли и догадки, что появляются в голове Максима, как услышала его растерянное:

– Ну что же... Как бы там ни было, ты мне понравилась. Все еще хочешь уехать со мной?

Хотела ли я быть рабыней самого адекватного из самых неадекватных хозяинов? Естественно. Было что-то в глазах парня, улыбке, манере разговора и походке, что явно давало понять – он не так плох, как хочет себе казаться. И если уж суждено стать кем-то бесхребетным, то пусть это будет рядом с ним.

– Хочу, – вяло прошептала я, а затем быстро согрелась от теплой улыбки Абрамова. Он протянул мне ладонь и вытер слезы, а затем помог сесть и поправил волосы. – Очень хочу!

– Тогда скажи мне свое имя, Черничка? – подмигнув, спросил он.

Это было так мило и нежно, что я растерялась. Слишком резкий перепад. Но мне помог Шакалов. Его энергетика, словно ядовитая змея, заползла в единственную добрую минуту этого дня и отравила резкими словами:

– С чего это ты решил, Макс, что девушка твоя? – он вопросительно посмотрел на брата и, лишь мельком взглянув на мое лицо, буквально выплюнул: – И не смей звать ее Черничкой.

– Не понимаю... – Максим замер и, сведя брови на переносице, схватил меня за руку, словно кто-то пытался забрать. – У тебя есть невеста беременная, которую украли. Зачем тебе Чер... она?

– Тебя это не касается. Не переоценивай свою значимость, – я видела, как вытягивается лицо Шакалова и не могла избавиться от мурашек по всему телу. Станный человек, один взгляд – ты повержен. Хотя что уж говорить про простые гляделки, если одна его энергетика была настолько подавляющей, что буквально чувствовалась кожей в воздухе... Шакалов коснулся локтя Абрамова, той руки, которой он удерживал меня, а затем, слегка наклонившись вперед, прошептал с остатками спокойствия: – Я купил ее и хочу опробовать товар. А ты сейчас встаешь и уходишь. Мой дворецкий проследит, чтобы ты не остался под дверью, а дошел до машины. Уяснил?

Конечно, Абрамов не был так морально силен, как Шакалов. А самое главное – совсем не был глуп. Он отпустил мою руку и встал. Его шаги были медленными, словно против воли, когда взгляд не отрывался от меня.

– Мне очень жаль, – тихо шепнул он мне, а затем с презрением посмотрел на брата и холодно попрощался. – Когда ты предложил свою ставку, я думал, ты хочешь помочь мне выкупить девушку. Ведь, несмотря на то, какая ты мразь, тебе всегда удавалось хранить семейные ценности. Но ты разочаровал меня, Шакал. Очень.

Меня слегка подташнивало, кружилась голова, да и колени подкашивались, но я просто не могла проводить Абрамова, сидя на полу. Пусть на минуту, но ему удалось подарить мне веру в то, что новый мир вокруг не так ужасен.

Абрамов выскочил из комнаты так быстро, что я не успела моргнуть и глазом. Наверняка он просто хотел сбежать от грязи, окружающей эту комнату. Жаль, что у меня такая система не работала...

– А теперь разберемся с тобой... – задумчиво протараторил Кирилл, все еще глядя на дверь.

Мои каблуки пошатнулись от его раздражённого тона, и я, едва не сломав себе ноги, начала падать в них на пол, готовясь вывихнуть лодыжку. Только вот Кирилл, словно какой-то робот, успел быстро повернуться ко мне и схватить под

мышки, удерживая в воздухе, словно пятилетнего ребенка.

Мои руки чисто инстинктивно схватились за первое, что попало на пути, – пиджак и брюки. Именно тогда я нащупала пальцами ту самую странную штуковину, что подкинул Коронов Кириллу в карман.

– Хватит изображать из себя жертву и течь от подмигиваний моего брата, – брезгливо поморщившись, спокойно сказал Шакалов, даже не предпринимая попытки поставить меня на ноги. – Хотела выбрать хозяина помоложе? Что же, не судьба.

Сглотнув вязкий ком, я решилась на страшное. Слегка наклонившись вперед, осторожно скользнула пальцами в карман, а затем, нащупав продолговатый предмет, вытянула его на свет, зажав в руке. Еще долго потом я вспоминала эту свою беспечность, прекрасно зная – поступи я по-другому, изменила бы жизнь раз и навсегда.

Но что-то внутри меня было сильнее боли, обстоятельств и обиды. Это что-то сделало выбор за меня.

– Зачем ты купил меня, Шакалов? – с вызовом спросила я, отвлекая внимание мужчины от своих рук. – Как же пари и все такое?.. Мои друзья...

– Пари? Кажется, я и так выиграл у Коронова. А вот с долгом сложнее... Будешь отрабатывать его по-другому, Черничка, – самый краешек его губы слегка приподнялся вверх, но голос совсем не веял весельем. Нет... Это было что-то другое. Похоть? Желание? Жажда чего-то запретного?

И тут я усмехнулась. Вряд ли в тот момент я могла бы считать себя адекватной. Остатки наркотиков в крови дали о себе знать, когда, глядя прямо в глаза мужчине, я прошептала самую логичную правду:

– А я знаю, зачем ты это сделал. Коронов – твой враг. И если твой враг был готов отдать такие деньги за товар из твоих рук – значит, он ценен и нужен тебе самому, – я замешкалась, когда глаза мужчины блеснули заинтересованностью, но тут же, сглотнув вязкий ком, закончила мысль: – Хотя бы из вредности.

Кирилл усмехнулся, так холодно и двояко, что я поперхнулась. Он резко поставил меня на ноги и отвернулся. Но не для того, чтобы уйти. Его цепкий взгляд принялся сканировать помещение, словно выискивая что-то и просчитывая.

– Весь аукцион ты смотрела на моего брата, – Шакалов заметил стоявший в самом углу зала рояль. На данном вечере с аукционом он был не в тему, но выносить его далеко недальновидно. Так что огромную белую машину поставили в самую темную часть зала. Именно туда и направился мужчина, попутно отчеканивая: – Наверняка ты хотела бы уйти с ним и познакомиться поближе.

Заведя руки за спину, я случайно выпустила предмет из кармана Кирилла. Он упал на мягкий ковер, но вместо того, чтобы затеряться, вдруг начал подсвечиваться красным. Сердце забилось чаще от волнения и испуга, и я мимолетом взглянула на Шакалова, который медленно убирал накидку с рояля.

Первое, что пришло в голову: наступить каблуком на странную вещицу, вывести ее из строя, одновременно с этим закашляться. Что я и сделала. Не могу сказать, что раздавила предмет в муку, но мигать он точно перестал.

– Ты не ответила, Черничка, – словно очнувшись от моего кашля, опомнился Шакалов. Он резко повернулся ко мне и протянул руку, заставляя подойти к нему.

– Я не знала, что ты слушаешь мои ответы, – против воли съязвила я, медленно двигаясь к мужчине. Было что-то в его вопросах забавляющее. Неужели он просто ревнует меня к Абрамову? С губ сорвалась фраза быстрее, чем я успела подумать головой: – Он милый и единственный хороший человек из всех, что я встретила за сегодняшний день.

Шакалов прищурился и внимательно присмотрелся к моим глазам, словно проверяя, лгу ли я. Но, не заметив фальши, он лишь фыркнул, улыбнувшись краешком губы. И пусть в этот момент он казался расслабленным, миролюбивым и готовым к разговору, что-то подсказывало – это напускное.

Я подошла к нему так близко, как могла. Оставалась лишь пара шагов до рояля и два до Кирилла, но внезапно проснувшийся инстинкт самосохранения не дал этого сделать.

– Тебя хорошо подготовили, – внезапно сказал Кирилл, мимолетно осматривая мой довольно-таки распутный вид. Он протянул мне руку, теперь не просто заставляя подойти, но и надеясь, что я прикоснусь к нему. – Не могу сказать, что ты стала лучше, чем была. Но любому бриллианту нужна правильная огранка.

Шакалов стрельнул глазами на мою руку, и я, не сдержавшись, все же сдалась и сжала его ладонь. Атмосфера вокруг сгущалась, а странный разговор с мужчиной казался напускным и словно прелюдией для чего-то грязного и темного.

Моя ладошка растворилась в хватке Шакалова, который держал так крепко, словно я могла бы сбежать в любую минуту. Будь я идиоткой, так бы и поступила: кричала, дралась, плакала или даже о чем-то просила... Но все это казалось бессмысленным. В те минуты, глядя в глаза Кирилла, я понимала, чего он хочет. И не могла надышаться...

Вот он, последний момент, когда я – это я. Когда последствия сегодняшнего вечера поправимы...

– Но я не бриллиант, Кирилл, – впервые назвав мужчину по имени, я не сдержалась. Голос осип, к глазам подобрались слезы, а фразы казались рваными и по-детски незавершенными.

– Согласен. Ты скорее... Шпинель? Сапфир? Аметист? – задумчиво пробормотал мужчина, а затем резко потянул за руку, заставляя прижаться к нему вплотную. Я перестала дышать и зажмурилась, словно, открой глаза после, перестану быть в замкнутом пространстве со зверем. Его рука скользнула по моей спине, и я вдруг услышала, как щелкнула застежка лифчика. Клянусь, это было громче ядерного взрыва в моем сознании. Повело, начало шатать, и ноги подкосились. Только мужчине это было лишь на руку. – Знаешь, Коронов не просто так хотел тебя себе. Думаю, мне тоже найдется чем с тобой заняться...

Три года назад мою одноклассницу изнасиловали и убили в переулке. Около десяти человек вторили о том, что, не сопротивляйся она, веди себя тихо и кротко, насильник бы оставил ее в живых, как и других жертв. Но она кусалась, дралась и громко кричала.

Тогда она казалась мне идиоткой. Что стоит несколько минут позора против жизни? Кто бы мог подумать, что такое может произойти со мной...

Как можно спокойно стоять, когда руки чужого человека осторожно изучают твоё тело, фигуру и монотонно поглаживают? Как можно сдерживать слезы, когда он медленно тянет на бретельки лифа, заставляя его упасть на пол, а затем становится первым, кто увидел такую интимную часть тела?

Шакалов отступил на шаг и оценивающе посмотрел на голое тело, не касаясь лица. И не было там любви, нежности и сострадания. Скупой просчет и животная похоть вместе с хриплым рыком:

– Ты выбрала правильную тактику, Черничка. А теперь медленно снимай трусики и ложись на рояль.

Наверное, будь я человеком со стороны, то кричала бы громко: «Эй, Кристина! Чего там стоишь? Хочешь, чтобы Шакалов убил тебя за неповиновение, а заодно и твоих друзей?» Но это была моя жизнь, моя правда, совесть и честь, и все, чего мне хотелось в тот момент – убить его, растоптать, заставить страдать.

Глава 3. Поворот не туда

Помню, как уперлась рукой во что-то твердое за спиной, не раздумывая, подняла предмет и замахнулась на Кирилла. Жаль только, что мужества не хватило, и я зажмурилась.

Он действовал молниеносно. Ударил ладонью по локтю, рука онемела, палка выпала из рук. Это оказалась подставка для микрофона...

– Мы не договаривались о таком, Кирилл, – открыв глаза, прошептала я. Только не увидела ничего, кроме слепой ярости и бешенства. – Кирилл? Прошу...

Еще до моей странной попытки спастись я не могла быть уверена, что меня ждет. По крайней мере, не знала, как все будет происходить. Сейчас же Шакалов словно обезумел, а его черные глаза стреляли молниями.

Кирилл резко поднял меня за талию одной рукой, не обращая внимания на уговоры и пустые попытки ударов кулаками по его громадной натренированной спине. Он на ходу отстегнул ремень, потянул за него, снял. Затем поставил меня на пол, зажав бедра между ног, а сам толкнул животом на рояль и, заведя руки крест на крест, связал их толстым кожаным ремешком на заумный узел.

Не знаю, был ли у Шакалова опыт в пытках, но теперь любое движение рук, даже случайное, приводило к сильнейшей судороге и отдавало в ногу.

– Я хотел по-другому, Черничка. Свое бы я получил по любому, но агрессия – твой выбор, – холодно отчеканил Кирилл.

А дальше происходило что-то странное, похожее на сон или фильм ужасов...

Раз. Кирилл резко тянет за трусики, они трещат по швам и кусками бесполезной ткани падают на пол.

Два. Он медленно раздвигает мои ноги, расстёгивает свою ширинку, а затем я ощущаю что-то теплое, коснувшееся оголенной кожи.

Три. Он входит в меня резко. Без предупреждения, смазки и не обращая внимания на слезы.

Адская боль, лютая ненависть, дикое желание убить – вот что было первой мыслью. И тем не менее... Он мог надругаться над телом, но душой я была выше этого всего. Мы оба это знали.

– Сопровивляешься? – с вызовом спросил Шакалов, входя в меня резко и заставляя съёжиться от боли в мышцах и между ног. – Считаешь меня уродом, а себя невинной овечкой? Но я покажу тебе, что мы на равных, Черничка. Есть то, что человек не может сдерживать: похоть, голод и жажду.

Он нажал кнопку у себя в кармане брюк, которые так и не снял, а вибратор между половых губ завибрировал. Ноги были раздвинуты широко, так что резкий спазм ударил в голову так неожиданно, что с губ вырвался странный вскрик.

– Вот так, Черничка, – похвалил меня Кирилл хриплым рыком. Его ладонь ударила меня по ягодице, я вздрогнула, когда он поставил скорость на приборе на максимальную. – Ты уже вся течешь. Видишь, не обязательно любить человека, чтобы хорошенько потрахаться? Так что не изображай из себя страдалицу. Хватить ныть, и получай удовольствие. Теперь это твоя профессия.

Я зажмурилась и прикусила губу так сильно, что могла бы ее откусить. Руки больше не чувствовались, ноги онемели, а между ног все отекло от спазмов. Но не это было самое страшное, как оказалось.

Метод Шакалова действовал. Клитор пульсировал, приятные покалывания делали его неумолимые точки не такими болезненными... Только вот внутри меня все медленно умирало.

Чувство отрешенности заполняло каждую клеточку тела, превращая меня в овощ. Кто я, если не могу противостоять Шакалову? Пусть он может взять меня силой, но добраться до души... Это перенести невозможно.

В тот момент я поняла единственную истину. Я должна абстрагироваться от происходящего. Вернуть контроль над телом с помощью разума, иначе... это конец.

Закрыв глаза, досчитала до десяти и постаралась вспомнить йогу, которой увлекалась больше пяти лет. Перед глазами возник Влад, подруга Инга и родители... Где-то там, в наших воспоминаниях, нам было хорошо.

Вокруг происходил ад, тело онемело, накал желаний куда-то... отступил. А вот внутри... Где-то глубоко в душе мне было спокойно. У меня было все для счастья: любовь, поддержка и семья. А кто этот Шакалов? Чиновник, вынужденный трахать проституток, купленных на аукционе? Мужчина, чья невеста провела его с беременностью, а затем сбежала с правой рукой? В жизни Кирилла Шакалова не было ничего, кроме денег. Никакого счастья.

– Ты самоутверждаешься, когда кому-то так же плохо физически, как тебе душевно? – вслух, совершенно спокойно, спросила я.

Шакалов замер. Он резко потянул меня за локоть, возвращая в реальность резкой вспышкой боли. По ощущениям, обе руки были просто сломаны, хотя я уверена – обычный вывих.

Кирилл заставил меня перевернуться и теперь лежать на спине, глядя только на него. Его черные глаза пылали, уничтожали и презирали так явно, что вся моя сила воли понадобилось, чтобы не отвести взгляд.

Его ладонь упала на голую грудь и сжала ее сильнее, чем требовали обычные ласки. Мужчина сделал резкой толчок вперед, и я поморщилась, чувствуя, как от недостатка возбуждения ноют стенки влагалища.

– О чем ты говоришь, Черничка? – насмешливо спросил он, а затем выкрутил мой сосок пальцем, продолжая быстро вбивать в меня свой член. И не было в его взгляде сострадания, обреченности или хотя бы намек на печаль. Скука, похоть, злоба? Да. Жалости? Ни грамма. – Я просто беру то, на что упал взгляд. А ты отработываешь долг за друзей, которых уже завтра отпустят на волю.

Теперь я поняла, зачем Шакалов заставил меня перевернуться. Глядя на его лицо, я не могла уйти от реальности... Его толчки становились сильнее, глубже, резче. Пальцы крепко сжимали грудь, а глаза то и дело заплывали от накачивающих ощущений. Он хрипел, что-то говорил и иногда странно рычал. Словно зверь на охоте...

Но все время он смотрел только в глаза. Словно читая мысли, подмечая даже самую маленькую секунду, когда тело давало сладкий спазм и я вновь прикусывала губу. Он питался этими моментами, его руки напрягались, а член внутри меня увеличивался.

Но так просто я сдаваться не собиралась. Был еще один способ уйти от происходящего – разговор.

– Как я могу тебе верить? – осторожно спросила я, медленно отводя взгляд к пиджаку Кирилла и думая лишь о том, как долго еще будет длиться эта пытка. – Ты не подписал никаких соглашений. Сам не разрешил кому-либо купить меня на этих чертовых торгах... Говорил, что не нарушаешь слово, но именно это и делаешь снова, снова и снова. Почему я должна надеяться на твою совесть и "честное слово"?

Шакалов оскалился, явно не желая обсуждать со мной что-то на пике своего оргазма. Но тем не менее, зажмурился, словно возвращая трезвость ума и тут же низко рыкнул:

– Суть спора была не в деньгах, Черничка. Авторитет – вот главное достижение. Не дав Коронову купить тебя сегодня, я выиграл дважды. Он проиграл деньги, девушку и авторитет, которым пользовался у коллег.

Мужчина навалился на меня и резко втянул воздух через зубы. Рояль пошатнулся, а его руки плотно зафиксировались на моей талии, позволяя Шакалову проникать еще глубже, выписывая внутри восьмерочку.

– Ты мерзкий, Шакалов. И никогда не будешь счастлив. Все, что будет составлять твой мир до старости: шлюхи, конкуренты и брат, который тебя ненавидят. Никакой жены, детей и поддержки. Никогда! – в сердцах выпалила я, понимая, как по-детски это выглядит. Не удалось решить проблему? Насыпь в глаза песок.

Ответ не заставил себя долго ждать. Кирилл немного отстранился, а затем отвесил знатную пощечину, не прекращая вбиваться в меня со сверхзвуковой скоростью. Щека начала пылать, немного приводя в чувство, и я прикусила язык, снова сдерживая слезы.

– Я научу тебя, как общаться со старшими, Черничка... – прошептал мужчина мне на ухо, а затем сжал горло так сильно, что дышать было невозможно. – Сейчас я хочу кончить тебе в рот, и чтобы ты проглотила все до последней капли. Но решить ты должна сама. Нет? Я кончу в тебя.

Я была уверена, что Кирилл блефует, играет на нервах или просто дразнит, когда прошипела уверенное: «Нет», но он лишь усмехнулся, а затем просто... кончил в меня. Его тело тряслось, словно в припадке, когда сам он рычал мне грязные пошлости на ухо.

По ногам потекло что-то теплое, наверняка попадая мужчине на одежду, когда он резко очнулся и вышел из меня. Это было странно: монотонно застегнул брюки, поправил рубашку, а затем бесчувственно бросил:

– Вставай. Я с тобой еще не закончил.

Впервые в жизни мне было нечего сказать. Я на самом деле пыталась решить проблемы, быть сильной и справиться. Возможно, перепробовала не все способы, но точно испытала удачу теми, что были мне известны. Тело болело, ком в горле мешал дышать, а душа... Она была раздавлена в муку. Что-то сломалось внутри в тот момент. Некий огонек, который давал энергию и силу бороться за что-то... потух.

– Ты глухая? Я сказал – вставай, – бросил Шакалов, но не получив ответа, резко подхватил за талию и посадил меня на рояль.

Могу представить, как жалко я выглядела, что даже сам Кирилл скривился и осторожно переспросил:

– С тобой все нормально? Где болит?

Усмехнувшись от странного вопроса, я решила сказать лишь часть правды:

– Руки... Я их совсем не чувствую. Кажется, они сломаны. И между ног все печет.

Не говоря ни слова, Шакалов распутал узел, и ремень соскользнул на пол. Руки плеткой упали по швам, а мышцы в них заныли. Кирилл ощупал кисть, а затем начал нажимать какие-то точки по всей руке, от которых пальцы сами дергались.

– Рефлексы в порядке. Кости не повреждены. Скорее всего, отек и, возможно, растяжение, – объявил он, а затем залез в карман брюк, достал телефон и набрал неизвестный номер. Ему ответили после первого гудка: – Шакалов. Ты нужен мне срочно. Нет, никакой мокрухи! Нужно осмотреть... Хорошо. Я подъеду сам.

Мужчина подхватил меня под мышку и быстрым шагом пересек комнату, попутно вытягивая из половых губ вибратор, который выключил после того, как кончил. Кирилл, не задумываясь, открыл дверь в общий коридор, не переживая насчет дворцового. К счастью, старик так и не встретился на пути от зала до комнаты Шакалова.

– Надевай это. Живо! – он открыл шкаф и достал оттуда что-то похожее на халат-платье. Не желая больше чувствовать его прикосновений на себе, я с трудом натянула на себя вещь. После осмотра Шакалова руки начали работать лучше, но не настолько, чтобы завязать мелкие ленты.

Он подошел сам, одернул женский наряд, оторвал сзади ценник, на который внимания я не обратила, а затем быстро подвязал на талии. Краем глаза я подметила, что на Шакалове другая рубашка, но костюм остался тот же. К тому же от него так сильно несло виски, что запах бодрил сильнее, чем нашатырь.

– Обувайся, – холодно напомнил о себе он, позволив стянуть неудобные туфли на мега-шпильке, вместо этого подставляя более удобный вариант, купленный мною год назад.

Да. Это была та самая обувь, в которой я пришла к мужчине. Наверняка у него «случайно» не завалилось башмаков тридцать пятого размера.

Надеть туфли мне удалось, хоть и с трудом, но... Голова кружилась, мысли путались, а общая слабость дала сделать лишь пару шагов. А затем я полетела в низ.

– С тобой одни проблемы! – прошипел мужчина, подхватывая меня под попу и неся в сторону выхода. – Теперь мне кажется, что лучшим способом подставить Коронова было отдать тебя ему. Ты бы довела мужика до сердечного приступа еще к утру своим длинным языком и истериками.

Я равнодушно пожала плечами и отключилась. Сознание уносило меня куда-то далеко от этого места, в безлюдную пустоту, где не было Коронова, Шакалова и торгов людьми. Очнулась уже на улице.

Июньский ветерок трепал волосы, а разговор Шакалова с личной охраной резал слух. Кирилл уже посадил меня на заднее сидение машины, как вдруг кто-то ему позвонил. Он посмотрел на телефон мельком, как вдруг замер, а брови мужчины взметнулись так высоко, что даже мне стало интересно – кто же ему звонит.

– Господин Коронов? Неожиданно. Решили перекупить у меня Черничку или отдать долг? – насмешливо пробормотал Кирилл, а затем поставил телефон на громкую связь и протянул его мне. – Поздоровайся с дядей, милая. И скажи ему,

что поздно продавать ему то, чего больше нет.

На том конце связи раздался приглушенный смех, а затем спокойные слова, пропитанные лживой заботой и участием:

– Милая, ты должна понять, что я не хотел причинить тебе вред. Ты просто оказалась не с тем человеком и не в том месте.

Шаклов тут же напрягся после слов старика и показал какие-то странные знаки руками начальнику службы охраны. Коронов не успел закончить предложение, как Кириллу уже сообщили:

– Людей Геннадия поблизости нет. Взрывных устройств, жучков и снайперов также. Все проверили трижды.

Шакалов кивнул и тут же снова переключился на речь Коронова, который явно чувствовать себя на коне в этой ситуации:

– Ты всегда считал себя лучшим, парень, – обратился он, видимо, к Кириллу. – Но есть техника, недоступная тебе. Мне удалось достать реактивную мини-гранату и замаскировать ее в колпачок. Невесомая, неподдающаяся для опознания технике и, главное, не дающая шанса на выживание. И знаешь, где она? – мужчина выдержал томную паузу, в которую вокруг творилась суматоха. Кирилл проверял карманы, служба охраны сканировала периметр, а я уже знала, что он скажет: – В твоём кармане. Передай Майклу Джексону привет.

Он отключился, а за спиной вдруг раздался взрыв. Коттедж на последнем этаже дома пылал адским пламенем. И это была квартира Шакалова...

Отдав короткие распоряжения своим людям, Кирилл снова осмотрел карманы. А затем задумчиво посмотрел на телефон. Он наверняка размышлял о том же, что и я:

– Коронов не стал бы так рисковать. Он должен был точно знать, что маячок у меня... Как же тогда?.. – размышлял он вслух, а я не выдержала и выпалила от шока:

– Я видела, как он положил тебе что-то в карман и... достала. К тому же случайно наступила потом. Это могло вывести датчик слежения из строя и ввести Коронова в заблуждение? – серьезно спросила, вспоминая уроки физики из школы и все известные мне факты о бомбах. – Еще есть вариант, что датчик должен срабатывать, только если находится в непосредственной близости от физического живого тела и реагирует на тепло. Наверняка что-то из этого подвело старика, и он подорвал пустую квартиру.

Я засмотрелась на огонь, прикидывая, как бомба могла обойти серьезную охрану Шакалова, и не заметила, как взгляд Кирилла изменился. Теперь его черные глаза сверкали интересом, и уже тогда мужчина решил поменять планы. Тогда впервые на моей памяти он попытался поступить достойно.

– Ты уверен, что нам стоит уехать? – взволнованно спросила я Кирилла, когда он все же усадил меня в авто, а сам сел за руль. И я даже не стала акцентировать внимание на его состоянии алкогольного опьянения, а просто волновалась за горящий дом. Были ли в нем еще люди, кроме дворецкого? Возможно, соседи или случайные гости. – Мы должны дождаться полицию, чтобы дать показания.

Шакалов криво усмехнулся и нажал на педаль газа. Машина рванула в путь под рычание мотора и визг шин.

– Сегодняшний день тебя ничему не научил, Черничка, – сказал он спустя долгую и тяжелую минуту. Затем грустно усмехнулся и выплюнул сквозь стиснутые зубы: – Горбатого могила исправит.

Чем-то странным веяло от мужчины. Холодным, тяжелым... Я должна была что-то сказать, но... не могла. Могильная решимость Шакалова не давала открыть рот, а заставляла молча ждать, что он приготовил для меня на этот раз.

Он просто привез меня в частную клинику в солидном районе города. Единственную, вокруг которой стоит забор надежней, чем во многих тюрьмах. И единственную, в которой одна консультация врача стоит, как моя месячная зарплата с премией.

Не говоря ни слова, он монотонно вышел из машины и, буднично открыв пассажирскую дверь, снова поднял меня под попу и понес внутрь. Здравый рассудок твердил, что бесполезно что-то спрашивать у человека, который злится

от любого вопроса. Но молчать по пути к центральному входу мне тоже не удавалось: в животе крутило от волнения, мышцы ныли, а перед глазами то и дело всплывал страшный взрыв.

- Ты приехал сюда без охраны. Да еще и сам за рулем, - нервно протараторила я, решив задеть ту тему, в которой Кирилл однажды услышал меня и ответил. - Коронов же может снова попытаться навредить.

Одной рукой мужчина осторожно открыл двери, проходя мимо пункта охраны с таким видом, словно владеет этой клиникой, не меньше. Кроме того, ни один человек: администратор, медсестра или врач - не спросили у него пропуск. Лишь отводили взгляд, шепотом здоровались, делая вид, что испуганной ноши в его руках нет.

- Он больше не сможет. Не волнуйся. Тебе ничего не угрожает, - серьезно сказал Шакалов, и в тот момент я четко осознала, что Коронов перешел грань, которую Кирилл ему не простит. Подрывая его квартиру, он рисковал на все сто процентов, риск не оправдался, и вряд ли теперь старик доживет до утра.

Открыв было рот, чтобы задать очередной вопрос, тут же замолкла, когда за спиной мужчины открылась дверь и громкий голос приветственно воскликнул:

- Шакал, рад видеть! - Кирилл тут же повернулся к говорившему. Им оказался главный врач клиники, мужчина не старше сорока. На нем была синяя накидка хирурга, шапочка и перчатки. Он указал на комнату за спиной и отмахнулся от объяснений: - Прости, приехать не мог. Важная операция, которую ждали больше двух лет.

Шакалов кивнул, словно соглашался с доводами врача и прощал ему такую оплошность, а затем тут же мимолетом указал подбородком на меня:

- Полный осмотр. Результаты должны быть у меня через полчаса.

Врач подошел ближе, и я смогла четче разглядеть его бейдж: «Виктор Семенович Гайка». Он окинул меня внимательным взглядом, от которого я тут же поежилась...

Что-то странное было в его обращении с пациентами. Словно он механик, который чинит машины. Ему было плевать на суть, причину моего тут появления и душевное состояние. Только функционал.

– Выглядит паршиво, – не стал блефовать он, делая вид, словно меня тут нет. А затем исподлобья посмотрел на Шакалова и осторожно уточнил: – А если что-то не так... Работаем по старинке?

Наверное, только идиот бы не понял, о чем говорил Виктор Семенович. Странный озноб прошиб тело от мысли, что я уже не смогу выйти из клиники на своих двоих... С детства больше всего в жизни я боялась врачей, и сейчас услышать что-то подобное от хирурга было чем-то на грани приговора.

Кирилл судорожно втянул воздух и сжал зубы так, что я услышала их хруст. Он смотрел на Гайку, словно еще одно его неверное действие – и он отправится на съедение крокодилам.

– Шакал, я просто... – испуганно пробормотал мужчина, медленно отступая назад. Ситуация накалилась, и меня начало трусить. Попытавшись отпихнуть от себя Кирилла, я ощутила, как его рука на моей ягодице сжалась так, что слезы потекли из глаз. Не знаю, как это работает, но все мысли тут же переключились в эту область тела, и я затаилась.

– Осмотр, Гайка. Не зли меня. День сегодня и так не лучший, – медленно протянул Кирилл, а затем, не дожидаясь ответа Виктора Семеновича, прошел дальше по коридору, как и планировал изначально, открыл прикрытую дверь и занес меня в белый кабинет для осмотра с кушеткой посередине. – Лежи смирно, Черничка. Не вынуждай меня передумать.

Слова мужчины мне не были понятны, но спорить смысла не было. Гайка зашел следом и быстро взял у меня три пробирки с кровью, передал их медсестре для анализа, после приступив к дальнейшему осмотру.

Виктор Семенович кропотливо осмотрел мои руки, а затем, что-то записав в свой ежедневник, приступил к ногам. Все это время Шакалов просто сидел напротив и неотрывно смотрел на меня.

Было в его позе что-то такое... Завораживающее? Пугающее?

Настораживающее? В ту секунду я впервые посмотрела на него не как на еще одно лицо в потоке жизни, а как на личность... Крупный, мускулистый. Не ниже двух метров. Глаза черные, а волосы похожи на цвет выжженных осенних листьев, чуть длиннее положенного. Он раскинулся в кресле, как хозяин положения, устало и вальяжно. Одна его рука спокойно лежала на быльце, а другой он неизменно ударял по подбородку.

Один удар, второй, третий. Глаза сощурены, напряжены, рассматривают меня с некой задумчивостью и интересом.

– Как тебя зовут, Черничка? – спокойно уточнил Кирилл, словно лишь одной детали ему не хватает, чтобы пополнить его внутреннюю картотеку.

Я усмехнулась, с тоской осознавая – он даже не уточнил у своих людей мое имя, прежде чем продавать.

– Удивлена. Думала, ты знаешь даже имя моего первого домашнего питомца, – поддела его я, четко осознавая, что играю с огнем. Виктор Семенович монотонно продолжал осмотр, когда глаза Шакалова сверкнули холодной злостью, что могло говорить лишь одно – про питомца псы ему не доложили.

– Я знаю о тебе всю НЕОБХОДИМУЮ информацию. Имя пока не требовалось, – с нажимом произнес Кирилл, и я впервые ощутила себя такой грязной и никчёмней.

Мой первый мужчина не знал даже моего имени. Его больше интересовало состояние здоровья и внешний вид... К глазам подступили слезы, и я зажмурилась, четко дав себе установку быть сильной.

– А теперь попрошу вас снять платье и нижнее белье, – отходя на шаг, спокойно прервал мои внутренние призывы к спокойствию врач. Я тут же открыла глаза, с испугом рассматривая мужчину, но он лишь усмехнулся и дополнил: – Я хороший гинеколог, девушка. Но, если хотите, могу позвать другого. Наверное, двадцатитрехлетний практикант из Америки понравится нашей гостье больше?

– Нет, – тут же перебил врача Шакалов, прежде чем я успела осознать сказанное. – Черничка просто меня стесняется. Пожалуй, я подожду в коридоре.

Не веря своим ушам, я увидела, как Кирилл просто встал и вышел вон. Между коридором и кабинетом располагалась стеклянная стена, позволявшая видеть из кабинета все, что происходит вне. Так я смогла легко проследить, как Шакалов монотонно сел, снова углубившись в размышления и постукивая пальцем по подбородку.

– И все же, как вас зовут? – улыбнувшись и спокойно выдохнув, пробормотал врач, возвращая мое внимание к себе. – Меня – Виктор Семенович. Девушкам важно наладить контакт с мужчиной, прежде чем оголятся перед ним, поэтому я предлагаю...

– Просто осмотрите меня и на этом закончим! – грубо перебила я доктора, не в силах слышать о выдуманном благородстве.

Руки уже ныли меньше, или боль стала более привычной. Посему, быстро скинув одежду, я позволила врачу приступить к осмотру.

– Господи, да у вас же кровотечение! – с ноткой паники в голосе Гайка тут же вскочил с места, на ходу стягивая перчатки все в крови, выкидывая их в урну и выскакивая в коридор. Я видела, как он бросил пару слов Шакалову, а затем побежал дальше, когда Кирилл вскочил с места, направившись снова в кабинет.

В тот момент я плохо понимала, что происходит вокруг. Странное ощущение опьянения, расслабленности и полной душевной пустоты тянуло в сон. Но кровотечение не пугало так сильно, как Кирилл, который снова войдет в мое личное пространство!

Я застонала в голос, снова откидываясь головой на лежак, и тихо прошептала, услышав, как дверь открывается:

– Ты же вышел! Прошу, уходи... Прошу...

Но Кирилл не стал меня слушать. Он подошел вплотную, положил ладонь на голову, словно измеряя температуру, а затем два пальца на шею. Грубо выругавшись, он слегка отошел к первому стеллажу со стопкой чистых полотенец и выхватил два.

– Когда это началось? Головокружение, дезориентация, апатия... – мужчина ловко скинул пиджак, затем закатал рукава рубашки до локтя и, взяв неизвестный мне раствор со столика на полке, намочил им одно из полотенец. Затем занял прежнее место Гайки и положил ткань мне между ног, плотно прижав. – Почему ты не сказала раньше, что чувствуешь себя плохо?!

Шакалов злился, и это, как ни странно, немного воодушевляло. Вряд ли ему хотелось иметь на своем кармическом счету труп изнасилованной девственницы. Мутило все сильнее, тело трясло, а слова давались с трудом, но я все же нашла в себе силы усмехнуться и пробормотать:

– А когда за сегодняшний день я могла чувствовать себя хорошо?

К сожалению, потерять сознание нормально не удалось. То и дело между странными, пугающими картинками, что выдавало подсознание, я улавливала чьи-то голоса. Они были мимолетными, тихими и плохо различимыми, но отключить их так и не получилось.

– ...Кровотечение остановлено?..

– ...Надеюсь, переливание не понадобится?..

– ...Пока в сознание ее не приводите. Так быстрее организм вернется в тонус...

И вот однажды все стихло. Спокойствие вокруг завораживало, пустота вокруг манила, а странные картинки перестали мешать расслабиться.

Как вдруг я снова услышала Его. Так странно, Шакалову удалось каким-то образом даже сквозь «обморок» вытянуть меня в реальность. Я не могла открыть глаза, не было сил, не могла пошевелиться или что-то сказать. Только слышала голос, шаги и ощущала чужие прикосновения.

– Почему она не приходит в себя? Вы ведь сказали, что все уже в порядке! – раздраженно выплюнул мужчина, а затем, судя по шагам, вплотную приблизился ко мне. Кирилл отодвинул стул, сел рядом, померил пульс и уже знакомо положил ладонь на лоб. Шершавая, холодная, наэлектризованная кожа вызвала во мне ответный импульс, и я смогла немного приоткрыть губы.

Странно... Ненависть во мне была сильнее желания жить.

– Нет нужды мерить ничего собственноручно, Шакал. Девушка подключена к аппаратам, так что... – раздался вкрадчивый голос Виктора Семеновича где-то далеко. Рука Кирилла на моем лбу тут же напряглась, и привычный озноб прошел по спине. Врач тут же закашлялся и перешел к сути вопроса: – Анализы в норме. Легкое растяжение в руках проходит. Кровотечение мы остановили. Ничего сверхсерьезного. Успели вовремя, так что последствий никаких не будет.

– Не нужно пересказывать мне то, что я и так знаю! – неожиданно громко рыкнул Шакалов, и будь я в состоянии двигаться, давно бы спряталась под кровать от холодной агрессии в его тоне. Кирилл напряженно вздохнул и отчеканил по слогам: – Мне нужна причина, по которой она все еще спит, Гайка. Все.

– Организм был подвержен сильнейшему стрессу. На лицо авитаминоз и истощение. Возможно, ее время еще не пришло, – перешел к сути врач, медленно вышагивая ближе к Шакалову. – Когда она придет в себя... Работаем по плану? Не передумал? Такая... необычная девочка. Уверен, что не передумаешь позже?

Кирилл ответил ни сразу. Его рука упала с моего лба на щеку, которую он осторожно погладил. И не было в этом жесте ничего милого и романтического. Он словно проверял состояние купленного товара. То же самое я ощутила, когда его пальцы прошлись по шее, руке и остановились на моем запястье.

Кирилл осторожно изучил каждую костяшку пальцев, а затем положил руку мне на живот, невесомо, грея теплом кожи, но не принося тяжесть.

– Да. Делай так, как я сказал. На связи, – закончил разговор Кирилл, а затем резко встал и просто ушел. С каждым его движением к двери становилось легче дышать, словно удавка на шее медленно спадала, даря потерянную надежду.

Уставшая от подавляющей энергетике мужчины, я тут же отключилась вновь. Это было странное мгновение... Раз, два, три, и я слышу голос матери:

– Господи, маленькая наша... Когда же ты проснешься? Мы так скучаем по тебе. Отец весь извелся...

Глаза открылись сами собой. Я зажмурилась от того, как резал дневной свет, и тут же растерялась. Мысли путались, паника накрывала, но родные голоса не давали прийти в себя:

– Крис! – воскликнул Влад, и я почувствовала, как теплые руки коснулись лица. Парень тут же нагнулся ко мне, что позволило разглядеть его короткие темно-русые кудрявые волосы и голубые глаза. Он коротко поцеловал меня в лоб и привычно улыбнулся, сладко пробормотав: – Малыш, я так скучал! Больше никогда тебя не отпущу.

– Она растеряна, дурачок, – недовольно пробурчала Инга, схватив Влада за шиворот, тут же оттолкнула и встала на его место. Длинные светлые выющиеся локоны подружки рассыпались по худощавым плечам, когда она нагнулась к самому моему уху и тихо шепнула: – Хеви, еще раз пропадешь так надолго, и я тебя убью сама! Понятно??

Я улыбнулась, почувствовав себя дома. Мама с папой переговаривались, причитали. Подруга в шутку угрожала, а парень постоянно держал за руку. Слабость медленно отступала, но самое ужасное... память возвращалась.

С каждой секундой улыбка на моих губах становилась все больше похожей на пародию, мир вокруг тускнел, а воспоминания оттесняли собой реальность, возвращая в жуткие часы. Дыхание стало рваным, ком подкатил к горлу, а все места, к которым прикасался Шакалов ныли, хотя это и казалось безумием, моим воображением, бзиком подсознания...

– Эй, что тут происходит?! Родственники! – громко воскликнул уже знакомый Виктор Семенович Гайка, и я замерла, вспоминая их с Кирилл разговор во сне... Во сне ли? – Нежели вы не видите, что делаете?! У пациентки поднялся пульс, прибор пищит, как ненормальный. Хотя когда бы вы его услышали, если без умолку все болтаете в четыре голоса??? ВОН из палаты, иначе вызову охрану!

Все вокруг затихли и начали быстро выползать из палаты, а я мертвой хваткой вцепилась в кисть матери, с мольбой глядя на нее. Странные, брошенные вскользь фразы врача и Шакалова не давали перестать думать о самом страшном: «А если что-то не так... Работаем по старинке?», «Лежи смирно, Черничка. Не вынуждай меня передумать» и наконец: «Когда она придел в себя... Работаем по плану?»

– Я останусь! – твердо заявила мама, отчасти правильно поняв мою тревогу. С детства я боялась врачей... Коротко ей улыбнувшись, я нахмурилась и осторожно спросила Гайку:

– Что произошло?

– Два дня назад вы поступили к нам в бессознательном состоянии. Предположительно на вас напал грабитель, ведь ваши вещи так и не были найдены, – словно заученную речь, выпалил мужчина, а затем, глянув в карту, тут же добавил: – Ах, да. Ваше состояние уже в норме. Тест на стрессоустойчивость вы не прошли, но организм уже восстановился. Почти. Дома нужно будет пройти дополнительное лечение и приходить ко мне на осмотры два раза в неделю. Бесплатные осмотры. Вы попали в число тех пациентов, услуги которым мы указываем бесплатно. Фортуна!

– И... все? – затаив дыхание, я испытывающе посмотрела на доктора и обомлела. Так вот в чем был план Кирилла... Неужели он просто выкинул меня вон, да еще и избавив от славы шлюхи и репутации падшей женщины? Не в его стиле. Хотя, если учесть, что дважды за вечер я успела спасти ему сперва деньги, а затем и жизнь, можно ли тогда рассчитывать на его человечность? Не веря своему счастью, я искоса глянула на маму и осторожно спросила: – Когда отпустили Влада и Ингу?

– Два дня назад и отпустили. Все обвинения сняли, а дело закрыли. Не переживай, милая, – женщина осторожно погладила меня по голове, обеспокоенно заглядывая в глаза. – Почему ты так побледнела? Что случилось?

В последний раз посмотрев на Виктора Семеновича, я приняла единственное правильное решение в тот момент: соврать. Соврать впервые в жизни, чтобы... Уберечь родных? Хотя, кому уж лгать, не было ничего хуже в моем представлении, чем рассказать самым близким людям подробности той ночи, которую я постараюсь забыть. Выжгу из памяти, сотру новыми воспоминаниями и стану счастлива. Не знаю, как скоро щемящий душу ком в горле отпустит и я смогу снова стать той Кристиной Хеви, что была когда-то.

Но я попытаюсь. Начну все с начала.

– Все отлично, мама. Как скоро мы пойдем домой? – улыбнувшись, прошептала я, сделав вид, что не услышала, как облегченной выдохнул Гайка. Нет, Шакалов не расквитался бы за свои поступки, расскажи я даже всему свету о его грехах. Нет... За них бы платил сам врач. А в нашем мире каждый спасает свою шкуру как умеет.

Глава 4. Мы познакомились дважды

Два месяца пролетели быстро. словно один безумно длинный и тяжелый день, полный пустых событий и лживых улыбок. Каждый день я просыпалась с диким желанием вычеркнуть из памяти те часы, пошатнувшие что-то внутри меня и изменившие до неузнаваемости. Но затея была глупая. За каждым углом чудился Шакалов, словно выжидавший момента, когда я стану наиболее уязвимой. По ночам снились не розовые пони, а жуткий торг телом в доме Кирилла.

Снова, снова, снова и снова...

Была надежда на сентябрь. Влад все активнее намекал на то, чтобы нам наконец-то съехаться, Инга твердила о нескончаемых вечеринках, а в вузе намечался крупный праздник. Но мне было плевать. Боль в груди не проходила, но мне удалось абстрагироваться. Только вот была одна загвоздка – чувств не осталось совсем. Любви, сострадания, желания что-то делать и куда-то двигаться.

На третий день учебы я просто свалилась в обморок на паре, и меня оправили домой, сказав не возвращаться без полного медицинского осмотра. Увы, но три дня я не вспоминала даже о еде.

– Ты выглядишь так, словно серьезно больна, – шепнула мне на ухо куратор, а затем, внимательно осмотрев с ног до головы, придирчиво пробормотала: – Кожа слишком бледная, синяки под глазами. О мешках, в которых можно воду возить, я вообще молчу! Но то, что ты совсем не разговариваешь, пугает меня больше всего, Кристина. Где твоя пресловутая неуемная энергия и горящие фиолетовые глазки?

– Какая вам разница? – прошептала я, желая поскорее закончить этот бессмысленный разговор. После обморока снова клонило в сон, а еще мне нужно было встретиться с Владом после института. Дикого желания видеть кого-то и разговаривать не было, но я дала себе честное обещание – не оставлять свободного времени на самобичевание.

– Мне? Никакая! – старушка оскорбленно ахнула и, вытянув меня в коридор, приглушенно пробормотала: – Через три дня институт устраивает праздник. Это тебе не просто день любви и верности, это возможность вуза выйти на новый уровень в международных связях!

– День любви и верности празднуют восьмого июля, – вспомнила я, все еще не понимая, к чему ректор устроил такое шоу.

– Правильно, Хеви. Но мы решили совместить его с днем знаний и днем, когда нашему самому главному спонсору будет удобно появиться в университете. Поняла? – затем-то пояснила она, но, увидев полное безразличие в моих глазах, снова подтолкнула к выходу: – Иди, девочка! Жаль, что ты не хочешь, чтобы тебя проводили. Напиши мне, как доберешься домой. И не возвращайся без справки от врача!

Конечно, писать никому я не собиралась. Зайдя в ближайшую кофейню, заказала себе самый крепкий кофе и выпила его залпом, чтобы не чувствовать вкус. Это было настолько противно и мерзко, что жизнь на мгновение вернулась, а я снова чувствовала себя прежней. Но... эффект всегда длился не более получаса.

– Привет, малышка! – знакомые руки накрыли мне глаза, и я вымученно улыбнулась. Только в этот раз перестаралась и лопнула губа. Маленькая капелька крови стекла по коже и капнула на стол. Не видя, но представляя ее, я тут же почувствовала, как меня... затошнило. Откидывая руку Влада, я вскочила с места и побежала в уборную.

Не знаю, как давно меня рвало от запаха еды и вида крови. Первый, второй, третий день? Все вокруг внезапно стало не важным. Сосуд жизни внутри меня был пуст, а люди вокруг превратились в картон. Нет, я любила семью, бойфренда, подругу... Но внезапно поняла, что стала слишком грязной для них. Словно кто-то внутри наложил запрет на правду, и каждый раз, когда люди поднимали тему того самого дня... просто превращалась в лишенную памяти

дурочку. Всех все устраивало, а мне так было комфортно.

– Крис, тебе нужно обратиться к доктору, – серьезно сказал Влад, когда я вышла из уборной. – Хочешь, я отвезу тебя к врачу прямо сейчас.

Прищурившись и внимательно посмотрев в голубые глаза парня, я поняла то, что и так всегда чувствовала: его слова не соответствовали его желаниям. Все, чего он ждал в ответ:

– Нет, я в норме. Пойдем лучше к тебе, как и собирались.

Влад облегченно вздохнул и, закинув руку мне на плечо, повел к выходу из кофейни. Уже в дверях он ненавязчиво протянул мне жвачку и саркастично протянул:

– Крис, тебе бы не помешало освежиться.

Сегодня мама Влада была в ночной смене. Работа хирургом занимала всю ее жизнь, но порой она не приходила и ночевать. В такие дни Влад звал меня к себе, мы валялись на кровати и ждали, когда его отец вернется из церкви, в которой был батюшкой. Но сегодня не было и его. Мужчина уехал в другой город с прихожанами. Кажется, это было как-то связано с большим церковным праздником.

– Почему ты ни разу не ездил с отцом? Ему, наверное, это важно... – перелистывая страницы учебника, монотонно прошептала я. Наука давалась с трудом, мысли разбегались, а молчание давило.

– Я не уверен, что мы с отцом придерживаемся одних взглядов, Крис, – ощутив его дыхание возле уха, я поморщилась и немного передвинулась вбок. Все чаще приставания Влада превращались в навязчивые, но отталкивать его грубо не хотелось. Все же я любила его и доверяла ему. – Он говорит, что я должен пойти по его стопам, жениться и только потом завести детей.

Сердце забило чаще, и я замерла над книгой, с трудом пробормотав:

– И что ты думаешь насчет этого?..

– Женитьбы, детей и прихода? Ха, Крис! – саркастично пропел парень, а затем лег на меня сверху, плотно прижимая к постели. Каждой клеточкой тела я ощущала его напряжение и тяжесть в районе паха. Но вместо ответного желания чувствовала лишь приступ тошноты и тремор, как в ту роковую ночь. Перед глазами был только чертов Шакалов, когда Влад слегка качнул бедрами, юбка задралась, а ширинка его брюк теперь терлась о легкие колготы. – Я люблю тебя, малышка. Мы вместе давно. Я хочу жить с тобой и каждый день просыпаться рядом. Но мне двадцать два, и на большее пока не готов.

Парень дернул меня за руку, заставляя перевернуться на спину, а сам устроился между моих ног. Плавно двигаясь вперед-назад, он наклонялся все ниже, хрипло шепча:

– Хочу целовать тебя, гладить, обнимать, чувствовать везде, где ты позволишь...

– Влад, но два месяца назад ты говорил о другом, – паника нарастала, руки тряслись. Я сжала их до боли в суставах, чтобы не оттолкнуть Влада, о чем бы пожалела впоследствии. Он не виноват, что из-за Шакалова любые прикосновения превратились для меня в сущую пытку. – Ты постоянно говорил о женитьбе, детях и тому подобном. А еще никогда не приставал ко мне так...

– Ночь в изоляторе заставила задуматься. Я переоценил жизнь и решил, что не нагулялся. К тому же я слишком харизматичен и перспективен, чтобы идти по стопам отца. И сейчас хочу тебя, маленькая, – Влад отмахнулся от разговоров, серьезно посмотрев на меня и дав понять, что хочет перейти к делу. Его сальные ладони скользнули по фигуре, очертили талию, а затем ухватились за грудь: – Ты готова стать моей первой и отдать мне самое ценное?

Все. Это был финал. Как бы я не старалась, напрягалась или заставляла себя поддаться парню – не смогла. Хотелось кричать, звать на помощь, оттолкнуть его и больше никогда не видеть. Разве это испытывает девушка перед первым сексом с любимым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/bushar_sandra/otverzhennaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)